

С/С
Т 82

Тульская Старина.

Кто не желаетъ знать своего
Отечества,
Тотъ не достоинъ называться
его сыномъ.

Издание Тульского Историко-археологического
Товарищества.

Подъ редакціей Старшины Товарищества

Н. И. Троицкаго.

10.

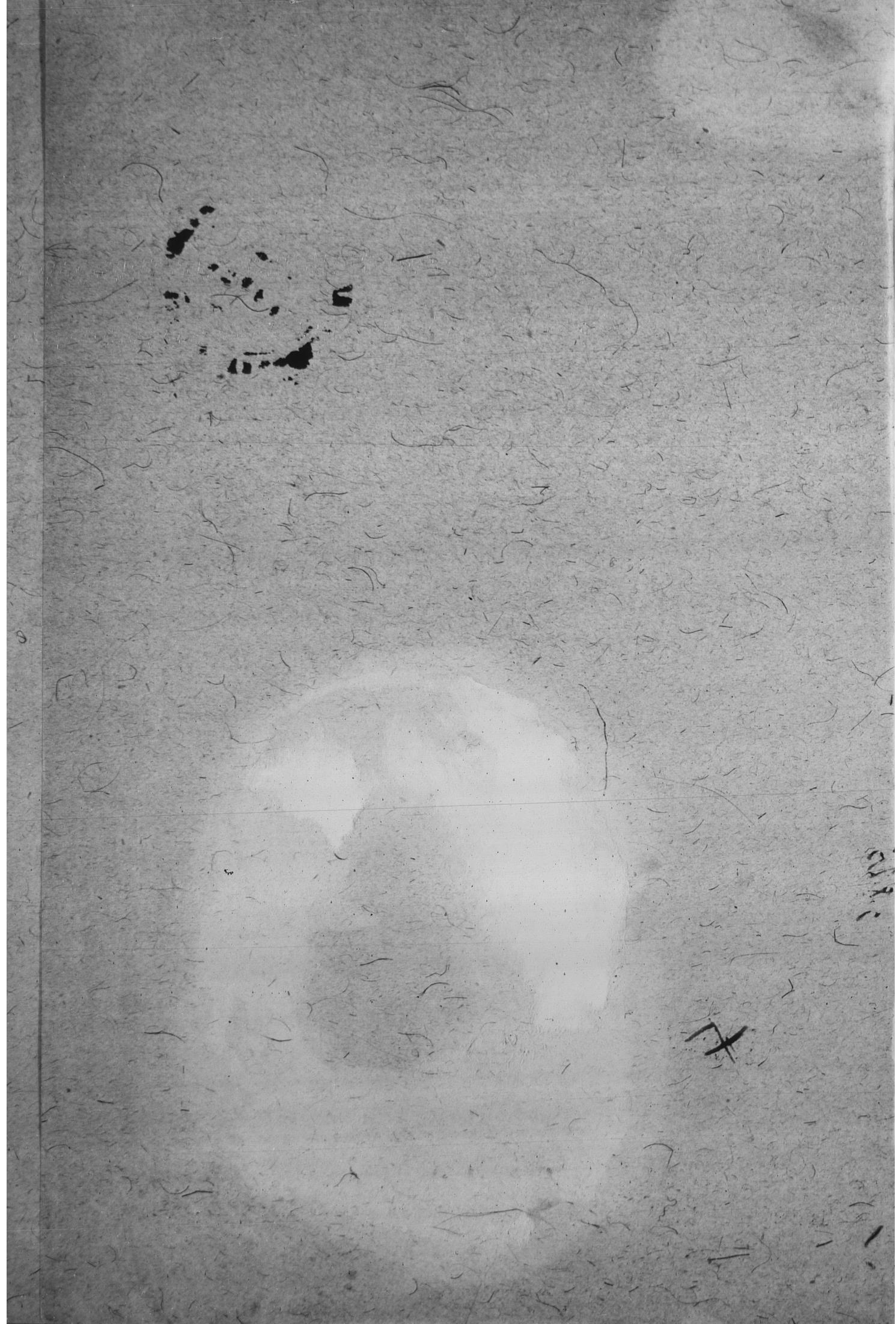
Т У Л А.

Типографія И. Д. Фортунатова, Киевская ул., д. Платоновыхъ.

1902.

ал
и
г

Ре
бк
с
ва

ТУЛЬСКАЯ СТАРИНА.

Г. О. К.

38251

LAPCHAK CTPNHA.

Тульская Старина.

Кто не желаетъ знать своего
Отечества,
Тотъ не достоинъ называться
его сыномъ.

Издание Тульского Историко-археологического
Товарищества.

Подъ редакціей Старшины Товарищества

Н. И. Троицкаго.

10.

Т У Л А.

Типографія И. Д. Фортунатова, Киевская ул., д. Члатоновыхъ.

1902.

Содер жаніе.

- 1) Отношениe первого Тульского Епископа, Преосвященнаго Меѳодія, къ проповѣднической дѣятельности духовенства г. Тулы.
П. И. Малицкаго.—Стр. 1—7.
- 2) Наблюденія и впечатлѣнія миссіонера. (Изъ отчета г. Тульскаго миссіонера). *Д. И. Скворцова*.—Стр. 8—37.

Отношениe перваго Тульскаго Епископа, Преосвященнаго Методия, къ проповѣднической дѣятельности духовенства г. Тулы.

П. И. Малицкаго.

Въ началѣ XIX-го столѣтія уровень религіознаго образованія въ русскомъ обществѣ былъ невысокъ. Отзывъ публициста Петровскаго времени Посошкова, что „мы россіяне ни вѣры своея, какова она есть, ни благочинія духовнаго, ниже естественнаго добронравія, ни гражданства доброго, какъ надлежитъ жить, не разумѣемъ... Я мню, чтои на Москвѣ едва сотый человѣкъ знаетъ, что то есть христіанская вѣра, или кто Богъ, или что есть воля Его, или какъ Ему молиться“, —этотъ отзывъ съ незначительными ограничениями можетъ относиться и къ началу XIX в.— Въ теченіи ста лѣтъ со времени Посошкова русское общество сдѣлало слишкомъ ничтожный шагъ въ дѣлѣ религіознаго образованія. Отсутствовало одно изъ могучихъ средствъ для религіозно-нравственнаго перевоспитанія русскаго народа — школа: нельзя сказать, чтобы школъ совсѣмъ не было, но онѣ составляли каплю въ морѣ поголовнаго невѣжества.— Забота о религіозномъ образованіи народа главнымъ образомъ падала на духовное вѣдомство. Св. Синодъ указывалъ различные мѣры къ религіозному образованію народа: обязательное чтеніе по церквамъ нарочито изданныхъ для народа букварей и поученій ¹⁾, обязательное изученіе катехизиса для вступающихъ въ гражданскую службу ²⁾, проповѣдничество и катехизическая бесѣды. Но мѣры эти мало имѣли значенія, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ проповѣдничество и катехизическая бесѣды и вовсе были не примѣнимы, пока наше духовенство представляло изъ себя полуграмотный элементъ. Съ развитиемъ духовныхъ школъ и удовлетворительной ихъ организацией въ началѣ XIX в., ряды русскаго духовенства стали обновляться такими священниками, къ которымъ можно было

¹⁾ Указы 1723 г. и 1785 г.

²⁾ Ук. 1748 г.

предъявить запросъ относительно учительной и проповѣднической дѣятельности въ народѣ. Но правильное и усердное от правленіе этой функции пастырского служевія возможно было только подъ условіемъ бдительнаго контроля со стороны епархиальной власти. Предоставить это дѣло благому усмотрѣнію самаго духовенства—это значило свести почти къ minimum его проповѣдническую дѣятельность для народа.— Епархиальные архіереи, дѣйствительно, обратили серьезное вниманіе на развитіе проповѣднической дѣятельности въ средѣ духовенства, а нѣкоторые изъ нихъ въ этомъ отношеніи проявили особенную энергию. Таковъ былъ, между прочимъ, Преосвященный Меѳодій, первый епископъ Тульскій.

По прибытіи въ Тулу, онъ нашелъ религіозное образованіе жителей этого города крайне неудовлетворительнымъ. Учебныхъ заведеній въ городѣ, вообще было немного. Духовная семинарія, губернская гимназія и Александровское дворянское училище, для обученія бѣдныхъ дѣтей дворянскаго сословія—и одно народное училище, открытое въ 1786 г., вотъ и всѣ учебныя заведенія г. Тулы того времени. За то на 25 тысячъ обывателей существовало 32 кабака и четыре каменныхъ трактира,³⁾—не считая деревянныхъ. Преосвященный Меѳодій энергически повелъ дѣло религіознаго образования своей Тульской паству тѣмъ способомъ, которымъ единственно тогда располагала духовная власть—именно подъемомъ проповѣднической дѣятельности въ Тульскомъ духовенствѣ. Онъ обязалъ указомъ ученыхъ священно-служителей каждый воскресный день говорить проповѣди и катехизическія поученія народу, а ключарю консисторіи предписалъ представлять ему ежемѣсячную вѣдомость о томъ, кто и сколько сказалъ поученій съ приложеніемъ самыхъ поученій.—Ко всякого рода манировкамъ въ этомъ дѣлѣ, хотя бы онѣ мотивировались съ житейской точки зрѣнія достаточными основаніями, Преосвященный Меѳодій относился очень строго. Объ этомъ можно судить изъ его резолюцій по этому предмету, которыхъ мы и приводимъ здѣсь въ ихъ исторической обстановкѣ.

Въ Іюнѣ 1800-го года ключарь консисторіи, священикъ Іоаннъ ѡеофилактовъ, представилъ при рапортѣ Преосвященному проповѣди, говоренныя за Май мѣсяцъ Тульскими священниками; въ этомъ рапортѣ онъ перечислилъ всѣхъ

³⁾ Щекатовъ. Словарь Географическій. Москва 1808 г.

священниковъ и діаконовъ, не представившихъ ему своихъ поученій,—съ объясненіемъ, что одни изъ священниковъ освобождены на нѣкоторое время отъ катихизическихъ поученій резолюцію Преосвященнаго, другіе сослались на недосугъ, вслѣдствіе приготовленія очередной проповѣди, для произнесенія въ соборѣ, третыи совсѣмъ не представили никакихъ объясненій.—На этомъ рапортѣ Преосвященный написалъ такую резолюцію: „Консісторії: Кромѣ тѣхъ, кои по нашимъ резолюціямъ имѣютъ свободу отъ катихизіческаго преподаванія, съ прочихъ въ консісторскомъ присутствіи взять обстоятельные отвѣты противу сего рапорта; и, есть ли во оныхъ будутъ показывать какія либо извиненія; то въ такомъ случаѣ пусть отвѣтствуютъ, для чего они о томъ прежде сего не представляли намъ, и чрезъ то указанное предписаніе сугубо нарушили? А отзывъ чередною проповѣдью отнюдь не принимать—Іюня 5-го дня 1800-го года“ ⁴⁾.

По силѣ этой резолюціи у всѣхъ этихъ священниковъ и діаконовъ взяты отзывы относительно ихъ манкировокъ. Причины манкировокъ въ немногихъ случаяхъ сводятся къ житейскимъ обстоятельствамъ, въ родѣ постройки или поправки дома, въ большинствѣ же случаевъ манкировки объясняются разнаго рода болѣзнями и недомоганіями. На этихъ отзывахъ онъ написалъ слѣдующую резолюцію: „Извиненія въ отвѣтахъ не дѣльныя: а потому, кромѣ священника Ипатія ⁵⁾, съ прочихъ священниковъ, дѣлавшихъ такое небреженіе о исполненіи указанного предписанія, взыскать штрафу на вдовъ и сиротъ по пяти рублевъ: а съ діаконовъ за то взыскать по два рубля по пятидесяти копѣекъ на тѣхъ же вдовъ и сиротъ; каковой штрафъ полагается на нихъ еще по снисхожденію; а впредъ большее взысканіе учинено съ нихъ будетъ. При чемъ объявить имъ и то, что отзывающіеся болѣзнями, а между тѣмъ исправляющіе по приходамъ своимъ требы, съ полученіемъ за оныя доходовъ, и слѣдственно притворяющіеся болѣзнями, будутъ отрѣшаемы отъ церквей своихъ: а на мѣста ихъ имѣютъ быть опредѣляемы здоровые

⁴⁾ Дѣло Конс. арх. отъ 1800 г. за № 6.

⁵⁾ Священникъ Успенского женскаго монастыря Ипатій не могъ переписать набѣло говоренные имъ „катехизисы“, вслѣдствіе сильной лихорадки. Почувствовавъ же облегченіе, онъ вмѣстѣ съ своимъ отзывомъ представилъ въ консисторію и переписанныя на бѣло катехизическія поученія,—тамъ же л. 3.

и не притворяющіеся мнимыми припадками.—Іуля 3-го дня 1800-го года". Послѣ такихъ резолюцій, разумѣется, про- падала охота относиться небрежно къ учительству народа среди Тульского духовенства, тѣмъ болѣе, что Преосвящен- ный постоянно напоминалъ Тульскому духовенству объ этой обязанности. Такъ на вѣдомости ключаря по тому же пред- мету за Сентябрь онъ написалъ: „Подтвердить ученымъ священно-служителямъ по здѣшнему городу, чтобы они вся- кое воскресеніе непремѣнно говорили катихизисы, что съ нихъ и имѣеть быть взыскиваемо по точной силѣ указанаго предписанія. Окт. 13-го дня 1800 г.“⁶).

Вообще, когда дѣло касалось церковной проповѣди, Пре- освященный Мѣодій являлся очень строгимъ. Изъ-за не- брежнаго отношенія къ этой обязанности при немъ возни- кали цѣлые дѣла въ консисторіи. Таковы, напр., дѣла о не- говореніи „катихизисовъ“ и очередныхъ проповѣдей священ- никомъ Срѣтенской церкви Андреемъ Семеновымъ.

5-го Августа 1800 года ключарь собора Іоаннъ Феофилактовъ до- несъ Преосвященному, что священникъ Семеновъ не гово- рилъ въ этотъ день назначенней ему очередной проповѣди⁷).

„Взять съ священника отвѣтъ, написалъ Преосвященный, и представить. Авг. 7 дня 1800 года“. Священникъ объяснилъ, что онъ по болѣзни не могъ представить этой проповѣди на цензуру префекту семинаріи за два мѣсяца до срока, какъ опредѣлено Преосвященнымъ, и только 21-го Іюля отоспалъ ее къ нему со своимъ діакономъ. Но префектъ не принялъ проповѣди, сославшись на позднюю ея подачу. 31-го Іюля онъ попытался представить проповѣдь лично самому Пре- освященному, но получилъ отвѣтъ, чтобы онъ отнесъ ее къ префекту, что и было имъ сдѣлано. Послѣ того священ- никъ будто бы неоднократно являлся за проповѣдью, но не получилъ ея отъ префекта. На этомъ объясненіи Преосвя- щенный написалъ: „Профекту, противу священникова показа- нія, объяснить. Окт. 16-го дня 1800 года“.

Профектъ семинаріи, протоіерей Іоаннъ Покровскій, объ- яснилъ, что онъ, дѣйствительно, не принялъ проповѣди отъ священника Семенова, вслѣдствіе поздней ея подачи и что 31-го Іюля, дѣйствительно, самъ священникъ принесъ къ

⁶) Дѣло отъ 1800 г. за № 15.

⁷) Дѣло того же года за № 17.

нему свою проповѣдь и именемъ Преосвященного просилъ его разсмотрѣть ее. Но проповѣдь оказалась написанною не на тему и требовала передѣлки. Между тѣмъ до 4 Августа священникъ Семеновъ ни разу у него не былъ и только этого числа явился къ нему за проповѣдью и то не въ его квартиру, а въ семинарскій залъ, гдѣ собралась уже публика „на философскіе диспуты“ и куда ожидался самъ Преосвященный. Префектъ, находившійся при исполненіи своихъ обязанностей, не могъ возвратить проповѣди священнику, которой въ данную минуту при немъ и не было.

Но не кончилось это дѣло, какъ началось въ такомъ же родѣ другое ⁸⁾). Священникъ Семеновъ опять допустилъ просочку на мѣсяцъ и двадцать одинъ день въ представленіи на цензуру проповѣди, назначенной ему на 23-е Декабря. На докладѣ объ этомъ префекта Преосвященный написалъ: Консисторіи: взять съ священника отвѣтъ по сему и представить. Декабря 14 дня 1800“. Въ объясненіе запоздалаго представленія на цензуру своей проповѣди священникъ приводилъ болѣзнь ноги, мѣшавшую ему выходить изъ дома⁹⁾.

Но священникъ Семеновъ, видимо былъ не изъ такихъ іероевъ, которые близко принимали къ сердцу дѣло церковнаго учительства. Не смотря на то, что о немъ возникло уже два дѣла въ консисторіи, онъ не сдѣлался усерднѣе. Дѣло его было еще въ процессѣ своего развитія, а о немъ поступилъ уже новый докладъ ключаря о неговореніи имъ очередной проповѣди въ соборѣ на 5-е Мая 1801 года, а благочинный въ свою очередь въ вѣдомости о священно-служителяхъ, говорившихъ катехизическая поученія, сдѣлалъ противъ него отмѣтку, что онъ „ничего не подавалъ; въ особомъ же рапортѣ Преосвященному доложилъ, что въ теченіи цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ онъ „катихизисовъ“ не подавалъ ⁹⁾). По резолюціи Преосвященнаго отъ священника потребовалось объясненіе. Священникъ объяснилъ, что онъ не представилъ проповѣди и не могъ переписать набѣло говоренныхъ имъ „катихизисовъ“ вслѣдствіе тяжелой болѣзни своей жены, за которую по своему одиночеству ему приходилось самому ухаживать.— Но Преосвященный не далъ значенія этому объясненію. На докладахъ консисторіи по этому дѣлу онъ написалъ одну за другой двѣ резолюціи—одну 18-го Ноября:

⁸⁾ Дѣло отъ 1800 г. за № 18.

⁹⁾ Дѣло отъ 1801 г. за № 30.

„консісторії: оштрафовать его,—по своему убѣжденію; ибо, видимо, онъ вымыщеннымъ обстоятельствомъ отговаривается и ничего того не подтвердилъ“; другую 20-го Ноября: „Поступить согласно резолюціи нашей по подобному дѣлу“.

Эти резолюціи устрашили нерадиваго священника. По силѣ ихъ ему грозила опасность подвергнуться, по меньшей мѣрѣ монастырскому послушанію, а по большей—даже потерѣ мѣста, тѣмъ болѣе, что у него на плечахъ было незаконченное дѣло еще о двухъ проповѣдяхъ. Въ виду этого онъ обратился съ прошеніемъ къ Преосвященному о его помилованіи. Прошеніе Семенова представляетъ въ своемъ родѣ интересный исторический документъ, какъ образчикъ словоизвитія и риторики того времени.

„Ваше Высокопреосвященство, писалъ этотъ іерей, милостивѣйшій мой архиастырь и отецъ чадолюбивѣйшій! Чисто-сердечно признаюсь, что я много огорчилъ святительскую вашу особу моимъ нерадѣніемъ и достоинъ вашего сужденія. Преступленія мои неизвинительны; и положенная вами на отвѣтахъ моихъ резолюція есть для меня святой способъ; чрезъ который я долженъ почувствовать и ваше ко мнѣ долготерпѣніе и мою познать нечувствительность. Гнѣвъ вашъ мнѣ служащему престолу Божію во святомъ алтарѣ вами учиненной не такъ жестоко цоразилъ; сколько возбудилъ меня отъ глубокаго сна нерадѣнія и научилъ уразумѣть что во гнѣвѣ вашемъ отеческое единственно ваше къ прохожденію моей должности заключается привлеченіе, и я обнося въ мысляхъ моихъ мои преступленія и гнѣвѣ вашъ много отчаяніемъ подавляемъ былъ: но совершая нынѣ божественную літургію и разсуждая о неизреченномъ Божіемъ къ роду человѣческому милосердіи укрѣпился надеждою: уповаю, что въ вашемъ благотворительномъ сердцѣ безсумнѣнія успѣю приобрѣсти себѣ благовolenіе жены хананейской подобное сіе пиша истинно оросилъ я себе слезами“.

„Итакъ я повергая себе къ святительскимъ стопамъ вашимъ съ сокрушеніемъ сердца моего прошу: простите меня, простите о преосвященнѣйшій владыко! простите въ моихъ преступленіяхъ, соблаговолите утѣшить плачущихъ въ моемъ домѣ, возвратите къ малолѣтнимъ дѣтямъ отца своимъ нерадѣніямъ себе потерявшаго: позвольте возвѣстить имъ радостотворное ваше ко мнѣ благовolenіе“ ¹⁰⁾.

¹⁰⁾ Въ прошеніи сохранена орѳографія подлинника.

Но за этимъ священникомъ накопилось на протяженіи сравнительно короткаго времени слишкомъ много проповѣдническихъ недоимокъ, и его небрежность въ церковномъ учительствѣ выступала слишкомъ замѣтно. А потому его покаянная лирика явилась запоздало и не нашла себѣ доступа къ сердцу терпѣливаго владыки. На его прошевіи онъ написалъ резолюцію: „Консисторіи: разсмотрѣть и представить съ мнѣніемъ. А ему священнику внушить, что мы на него не имѣемъ гнѣва; токмо худыхъ его поступковъ одобрить никакъ не можемъ. Дек. 3 дня 1801 года“.—Въ силу этой резолюціи консисторія опредѣлила послать священника въ архиерейскій домъ на послушаніе на двѣ недѣли.

Между тѣмъ дѣла этого священника о проповѣдяхъ на 5-е Августа и 23-е Декабря продолжали еще тянуться. По какому-то канцелярскому капризу дѣло о катихизическихъ поученіяхъ, возникшее позже, решено было скорѣе. Дѣла же о проповѣдяхъ рѣшены были позже 21-го Авг. 1802 года: одно изъ нихъ тянулось болѣе двухъ лѣтъ (5 Авг. 1800—21-го Авг. 1802 г.). Такъ какъ Преосвященный скептически относился къ объясненію служебныхъ манкировокъ болѣзнью, то на дѣлѣ о проповѣдяхъ Семенова онъ написалъ такую резолюцію: „Объявить ему, что онъ за таковыя упущенія впредь лишится своего мѣста.—Авг. 21 дня 1802 года“.

Изложенія нами дѣла освященніе Семеновъ характерны въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны они свидѣтельствуютъ о строгомъ и внимательномъ отношеніи Преосвященнаго Методія къ церковному учительству, съ другой рисуютъ крайне вялую, медлительную канцелярскую проволочку того времени. Не сложное само по себѣ дѣло о проповѣди тянетъся однако болѣе двухъ лѣтъ, и это при благопріятныхъ условіяхъ, когда и цензура, и консисторія, и привинившійся священникъ находятся въ одномъ городѣ и когда на обоюдныя сношенія ихъ не могло затрачиваться много времени.

Наблюденія и впечатлѣнія миссіонера *).

(Изъ отчета г. Тульского миссіонера).

Резолюціею Преосвященнѣйшаго Питирима, Епископа Тульскаго, отъ 4-го Октября 1900 года, я былъ назначенъ исполняющимъ обязанности Тульскаго епархіального миссіонера. Такъ какъ я прибылъ на службу въ г. Тулу (на должность преподавателя по каѳедрѣ раскола) только дней за 5 до сего назначенія (28 Сент.), то понятно, что состояніе Тульского раскола и сектантства было для меня — почти *terra incognita*. Но разъ состоялось опредѣленіе меня на такую нравственно-ответственную должность, я счелъ своею обязанностью немедленно ознакомиться по крайней мѣрѣ *съ общимъ* состояніемъ расколо-сектантства въ епархіи, насколько подобное ознакомленіе было доступно для меня, съ одной стороны на основаніи имѣющейся (конечно, очень небольшой) печатной литературы о мѣстномъ религіозномъ разномысліи, и съ другой стороны путемъ собранія свѣдѣній о немъ отъ лицъ, привыкшихъ къ сему дѣлу.

Въ послѣднемъ отношеніи я оказался сравнительно въ благопріятныхъ условіяхъ, потому что не задолго (менѣе, чѣмъ за годъ) до моего прибытія въ Тулу миссіонерское дѣло въ Тульской епархіи, благодаря инициативѣ и попеченіямъ Преосвященнѣйшаго Питирима, начало становиться на болѣе твердую почву. При Тульскомъ епархіальномъ братствѣ было организовано специальное миссіонерское отдѣленіе, и въ помощь епархіальному миссіонеру назначены два помощника изъ священниковъ мѣстностей, наиболѣ зараженныхъ расколомъ и сектантствомъ (кромѣ еще единовѣрческаго священника г. Тулы). Скоро я узналъ, что расколо-сектантство въ Тульской епархіи, хотя и не представляетъ собою какой-нибудь грозной и опасной силы, но тѣмъ не менѣе по временнымъ прорывается наружу въ болѣе или менѣе подозрительныхъ и вызывающихъ на предосторожность явленіяхъ. Къ послѣднему заключенію меня привели скоро особенно два об-

*) Первоначально были напечатаны въ „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“.

стоятельства. Одно изъ нихъ заключается въ томъ, что въ Ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года я былъ приглашенъ въ качествѣ эксперта къ судебному слѣдователю по дѣлу известнаго мѣстнаго безпоповщинскаго расколоучителя Дениса В. Батова; изъ этого дѣла я узналъ, что въ лицѣ Батова Тульской расколъ имѣетъ очень виднаго и упорнаго своего представителя и пропагандиста путемъ литературнымъ—путемъ распространенія подпольныхъ раскольническихъ сочиненій, наполненныхъ ругани и хулы на православную Церковь. Другимъ же обстоятельствомъ было то, что какъ изъ дѣлъ созвѣта братства, такъ и отъ одного своего помощника, я освѣдомился, что въ Тульскую епархію начинаетъ проникать одинъ изъ опаснѣйшихъ видовъ современного сектантства—штунда. Выходя изъ общаго положенія, что ядъ всякой разы, начавшейся въ организмѣ и благовременно не захваченной, постепенно отравляетъ организмъ, а также на основаніи своихъ личныхъ наблюденій за распространеніемъ современного рационалистического сектантства (штунды и пашковщины) въ двухъ епархіяхъ (Тверской и Черниговской), я придалъ послѣднимъ свѣдѣніямъ весьма важное значеніе и потому рѣшилъ начать свою миссіонерскую дѣятельность (если не громко такъ будетъ выразиться) съ ознакомленія съ зачатками штундизма въ епархіи и борьбы съ нимъ. Съ этою цѣлію я рѣшилъ посѣтить ту мѣстность, въ которой проявился штундизмъ. Владыка, которому я сообщилъ о своихъ намѣреніяхъ, вполнѣ одобрилъ ихъ, при чёмъ ободрилъ меня и благословилъ, замѣтивъ, что вожди рационалистического сектантства опасны, какъ волки для мирнаго стада пасомыхъ. Но прежде, чѣмъ повѣстовать о началѣ своего дѣла, скажу еще нѣсколько словъ о современномъ расколо-сектантствѣ въ Тульской епархіи. Хотя расколо-сектантство въ епархіи не представляетъ собою, какъ сказано немного выше, какой-нибудь грозной и опасной силы, но всетаки оно имѣетъ здѣсь представителей самыхъ разныхъ сектъ и направленій. Здѣсь имѣются и раскольники-старообрядцы, съ подраздѣленіемъ ихъ на поповцевъ и безпоповцевъ (съ дробленіемъ въ свою очередь этихъ на болѣе мелкіе толки), и сектанты-мистики, каковы хлысты и скопцы, и, наконецъ, сектанты-раціоналисты, каковы недавно проявившіеся штундисты¹⁾. Раскольники-ста-

¹⁾ Невольно является потребность сдѣлать замѣчаніе, что толстовство, не смотря на то, что самъ глава его проживаетъ въ

рообрядцы проживаютъ преимущественно въ двухъ уѣздахъ — Каширскомъ, въ которомъ ихъ насчитывается 165 человѣкъ, и Алексинскомъ, гдѣ ихъ 293 человѣка, слѣдовательно, въ обоихъ уѣздахъ 458 человѣкъ, изъ коихъ безпоповцевъ 388 человѣкъ, поповцевъ по австрійскому священству 70 человѣкъ. Кромѣ того, немалочисленное общество старообрядцевъ находится въ самомъ гор. Тулѣ. Сектанты-мистики проживаютъ въ Одоевскомъ и Бѣлевскомъ уѣздахъ: всего ихъ 356 челов., изъ коихъ 291 хлыстовъ (32 челов. въ Одоевскомъ уѣздѣ и 259 въ Бѣлевскомъ) и 65 скопцовъ — всѣ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ. Сектанты-раціоналисты (разумѣю штундистовъ) зародились въ с. Аѳанасьевѣ, Алексинскаго уѣзда; о нихъ сейчасъ и будетъ подробное повѣствованіе на основаніи свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ.

13 Января 1901 года, вечеромъ, я отправился въ с. Аѳанасьево, куда и прибылъ 14 числа утромъ, переночевавъ въ гор. Алексинѣ. С. Аѳанасьево находится въ 20 верстахъ отъ гор. Алексина. Прихожанъ этого села насчитывается до 1400 человѣкъ обоего пола. Кромѣ земледѣлія, многіе изъ прихожанъ занимаются отходжими промыслами — слесарнымъ, столярнымъ, плотничнымъ, печнымъ, работаютъ на фабрикахъ и заводахъ. Такой характеръ промысла и былъ одной изъ главныхъ причинъ, почему въ с. Аѳанасьево занесенъ былъ штундизмъ. Нѣкоторые аѳанасьевскіе крестьяне, какъ извѣстно, ходятъ на промыслы, для работы на фабрикахъ, въ гор. Харьковѣ, гдѣ штундизмъ и вообще раціоналистическое сектантство свило себѣ уже довольно прочное гнѣздо. Одинъ изъ такихъ крестьянъ былъ Косьма Степановъ Игнаточкинъ, который и явился виновникомъ занесенія штунды въ с. Аѳанасьево, а въ настоящее время стоитъ во главѣ соблазнившихся, именуясь даже пресвитеромъ. Объ немъ, какъ виновникѣ возникновенія штунды въ означенномъ селѣ, мы узнали слѣдующее. Когда Косьмѣ Игнаточкину было только 15 лѣтъ (т. е. приблизительно въ 1875 году), онъ ушелъ въ гор. Харьковъ, гдѣ поступилъ рабочимъ на кафельный заводъ; случилось такъ, что владѣльцами этого завода были

Тульской губ., не имѣть здѣсь какого-нибудь успѣха и распространенія, по крайней мѣрѣ среди крестьянскаго населенія. Благодареніе за сие Господу Богу!

нѣмцы, каковое обстоятельство является главною причиною его отпаденія отъ православной Церкви. По крайней мѣрѣ мѣстный священникъ с. Аѳанасьевъ, о. Митрофанъ Пашковскій, опредѣленно заявилъ, что Игнаточкинъ заразился въ г. Харьковѣ отъ нѣмцевъ. Проработавъ въ Харьковѣ 15 лѣтъ, онъ вернулся на родину и скоро поступилъ на кафельный же заводъ въ г. Тулу. Лѣтъ 7 тому назадъ (т. е. въ 1893 году) онъ началъ было свои сектантскія убѣжденія, вынесенные изъ гор. Харькова, распространять среди аѳанасьевскихъ крестьянъ, но не имѣлъ успѣха, одною изъ причинъ чего было и то обстоятельство, что самъ онъ былъ поведеніемъ зазорнаго, при чемъ еще былъ бѣденъ и потому не могъ оказывать какого-либо вліянія на своихъ односельчанъ. Но года два тому назадъ (т. е. въ 1898 г.) случилось обстоятельство, поднявшее авторитетъ Игнаточкина въ глазахъ его односельчанъ, именно: онъ получилъ наслѣдство отъ тетки въ суммѣ 1000 руб. Тогда онъ началъ устраивать у себя собранія, на которыхъ читалъ и объяснялъ Евангеліе въ сектантскомъ направленіи. Крестьяне посѣщали эти собранія сначала изъ любопытства, а Игнаточкинъ пользовался этимъ и задавалъ имъ вопросы, особенно смущающіе совѣсть вѣрующихъ; мало этого: онъ сталъ раздавать имъ брошюры сектантского характера. Особенно часто онъ вступалъ въ бесѣду съ мѣстнымъ волостнымъ писаремъ, чрезъ которого, думается, надѣялся болѣе вѣрно вести свою сектантскую пропаганду. Такимъ образомъ, дѣйствуя въ продолженіе цѣлаго лѣта, Игнаточкинъ успѣлъ возбудить интересъ къ себѣ. Проживши лѣто 1898 года въ с. Аѳанасьевѣ, онъ опять отправился въ Тулу, гдѣ на кафельномъ заводѣ Ратаевой, что въ Гончарахъ, продолжалъ свою сектантскую дѣятельность, устраивая даже бесѣды съ некоторыми заводскими рабочими. Среди этихъ рабочихъ были и аѳанасьевскіе крестьяне, одинъ изъ коихъ и сдѣлался скоро первою жертвою сектантской дѣятельности Игнаточкина. Таковою жертвою сдѣлался крестьянинъ Захаръ Бараповъ. Увлеченный въ штундизмъ, Захаръ Бараповъ скоро сдѣлался довольно фанатичнымъ его послѣдователемъ, такъ что началъ совращать свою жену въ штунду, но когда та оставалась непреклонною, то онъ сталъ притѣснять ее и бить, но, благодареніе Богу, пока эта невольная страдалица остается вѣрною православной Церкви. Хотя Бараповъ въ прошломъ (1900) году и пріобщался Св. Таинъ, но сдѣлалъ это совершенно по-сектантски, не ради исполненія долга хри-

стіанского, но ради надругательства надъ Св. Таинствомъ, потому что въ тотъ же день онъ напился пьянымъ. Какъ болѣе выдающійся сектантъ, онъ среди своихъ одновѣрцевъ именуется діакономъ. Кромѣ Баранова, поддались нѣкоторому вліянію Игнаточкина и еще нѣсколько его односельчанъ, работавшихъ вмѣстѣ съ нимъ на кафельномъ заводѣ, каковы: Захаръ Слѣповъ, Василій Жаровъ, Феодоръ Слѣповъ; но они еще не уклонились совершенно въ штундизмъ, а находятся въ нѣвторомъ колебательномъ состояніи и обнаруживаютъ свое неуваженіе къ православной Церкви, напр., въ томъ, что не снимаютъ шапки предъ христіанской святыней. Понятно, эти лица требуютъ особенно бдительного вниманія со стороны мѣстного священника. Что касается семейства самого Игнаточкина, то жена его Степанида Васильева вполнѣ увлеклась учениемъ мужа, а дѣти его еще малолѣтніе (старшему — 12 лѣтъ, другому 7 и третьему 1 годъ), хотя уже, по словамъ священника, второго сына можно назвать „маленькимъ штундистомъ“, а первый учился въ земской школѣ и пока ничѣмъ не обнаруживаетъ сектантскаго вліянія на него отца. Самъ же Косьма Игнаточкинъ открыто и безъ всякоаго стѣсненія заявилъ о своей принадлежности къ сектантству въ прошломъ 1900 году, въ праздникъ Богоявленія Господня. Когда священникъ въ этотъ день былъ съ св. крестомъ въ домѣ Игнаточкина, то послѣдній не хотѣлъ цѣловать св. креста, и на вопросъ священника, почему онъ не подходитъ ко кресту, отвѣтилъ: „крестъ — духовный, мы — баптисты²⁾). Это обстоятельство вызвало священника на продолжительную бесѣду съ Игнаточкінымъ, въ которой онъ еще болѣе обнаружилъ свои вполнѣ сектантскія убѣжденія. По показанію крестьянъ, у Игнаточкина, во время побывокъ его въ деревнѣ, а также и у Захара Баранова нерѣдко собираются всѣ совращенные или еще только увлекающіеся его учениемъ, для чтенія Евангелія и для молитвы. Какъ сдѣлалось мнѣ известнымъ (совершенно случайно, именно при бесѣдѣ съ Барановымъ), у нихъ совершается даже своя Евхаристія, что показываетъ, что въ Аѳанасьевѣ организует-

²⁾ Извѣстно, что штундисты всегда любятъ прикрываться именемъ баптистовъ, потому что послѣднимъ допущена свобода въроисповѣданія; но такое дозволеніе относится къ баптистамъ — нѣмцамъ, что и разъяснено въ прошлогоднемъ циркуляре Министра Внутреннихъ дѣлъ, отъ 3 Апрѣля.

ся уже довольно правильная сектантская община. Принимая во внимание, что общее религиозно-нравственное настроение аѳанасьевскихъ крестьянъ стоитъ весьма не высоко, нужно очень опасаться, что сектантская пропаганда съумѣть свѣтъ себѣ здѣсь довольно прочное гнѣздо. По отзыву мѣстного священника, аѳанасьевскіе крестьяне въ религиозномъ отношеніи довольно индифферентны, о предметахъ вѣры судятъ легко, въ церковь ходятъ довольно рѣдко, особенно мужчины. Такое религиозно-нравственное состояніе ихъ объясняется между прочимъ тѣмъ, что многие изъ нихъ отправляются на отхожие промыслы въ г. Харьковъ. Но тѣ, которые ходятъ на заработки въ Москву, очень религиозны. При всемъ томъ, пока еще общее настроение, настроение, такъ сказать, массы въ Аѳанасьевскомъ приходѣ, не въ пользу штундистовъ. Объ этомъ довольно ясно свидѣтельствуетъ слѣдующее обстоятельство. Наканунѣ моего прїѣзда въ Аѳанасьево, именно 13-го Января 1901 года, здѣсь былъ сельскій сходъ. На этомъ сходѣ крестьяне заявляли священнику, что Игнаточкинъ, несомнѣнно, совратилъ въ штунду Захара Баранова и продолжаетъ распространять ее среди аѳанасьевскихъ крестьянъ, о чемъ они согласны составить приговоръ, съ просьбою, куда слѣдуетъ, о выселеніи Игнаточкина изъ Аѳанасьево. Кромѣ того, еще въ прошломъ году, нѣкоторые изъ крестьянъ, работавшихъ вмѣстѣ съ Игнаточкинымъ, заявляли Тульской полиціи о попыткахъ его къ совращенію своихъ односельчанъ. Въ настоящее время Игнаточкинъ проживаетъ въ гор. Тулѣ на кафельномъ заводѣ Ратаевой.

Таковыя свѣдѣнія о штундизмѣ въ с. Аѳанасьевѣ собраны мною на мѣстѣ отъ священника и другихъ лицъ въ день моего прїѣзда въ означенное село.

На другой день прїѣзда, т. е. на 15 число, въ 9 часовъ утра назначена была бесѣда въ храмѣ, о которой чрезъ мѣстное волостное правлѣніе сдѣлано было оповѣщеніе аѳанасьевскихъ крестьянъ и другихъ сосѣднихъ. По удару колокола, стали въ храмъ стекаться довольно многочисленные слушатели. Подходя къ храму и войдя въ него съ чувствомъ искренняго желанія послужить по силѣ св. дѣлу разъясненія Христовой истины противъ заблужденій штундизма, я невольно и съ тоской на душѣ припомнилъ вышеупомянутый отзывъ мѣстного священника объ аѳанасьевскихъ крестьянахъ, что они „въ религиозномъ отношеніи индифферентны, о предметахъ вѣры судятъ легко и въ церковь ходятъ довольно рѣдко“,

вспомнилъ особенно потому, что какъ на подтверждение этого отзыва я обратилъ вниманіе на скучную церковную обстановку храма, который при полуторатысячномъ населеніи прихода могъ бы благоукраситься очень благолѣпно. Предметомъ бесѣды былъ избранъ такой пунктъ ученія православной Церкви, который наиболѣе подвергается нападкамъ со стороны рационалистическихъ сектантовъ, и особенно со стороны штундистовъ, именно: „о почитаніи и призываціи въ молитвахъ святыхъ и о святыхъ иконахъ“. Соответственно такой темѣ, предъ началомъ бесѣды былъ отслуженъ молебенъ Пресв. Богородицѣ и всѣмъ святымъ. Къ моему утѣшенію, на бесѣду набралось народу довольно много (человѣкъ до 300). Въ началѣ бесѣды были сдѣланы предварительныя краткія замѣчанія о недругахъ русской православной Церкви — расколѣ и сектантствѣ, а затѣмъ сообщены болѣе подробныя свѣдѣнія о штундизмѣ, его происхожденіи, съ присоединеніемъ характеристики штунды, какъ вѣры „немецкой“ — и уже по одному этому чуждой православной русской душѣ. Послѣ этого были указаны главные пункты заблужденій штундизма, и наконецъ уже подробно опровергнуто штунд. заблужденіе, заключающееся въ отрицаніи религіознаго почитанія святыхъ и призывація ихъ въ молитвахъ. Необходимость религіознаго почитанія святыхъ была выяснена на основаніи слова Божія и изъ исторіи ветхозавѣтной и новозавѣтной Церкви. По окончаніи разясненія этого догмата было предложено всѣмъ, имѣющимъ какое-либо сомнѣніе, или колебаніе, или даже простое недоразумѣніе относительно него, высказаться, чтобы чрезъ живой обмѣнъ мыслей еще болѣе выяснить со всѣхъ сторонъ это ученіе. Довольно долго продолжалось молчаніе, и я уже намѣревался закончить свою бесѣду благодарственnoю Господу Богу молитвою. Но вотъ среди слушателей послышались слова: „Захаръ, а Захаръ, что-жъ ты не выходишь, вѣдь это тебя касается, противъ твоей вѣры“. Въ народѣ произошло движение, и глаза всѣхъ устремились въ одну сторону, гдѣ былъ тотъ, котораго именовали Захаромъ. Я, конечно, тотчасъ же догадался, что этотъ Захаръ — никто иной, какъ именуемый штундистскій діаконъ, Захаръ Барановъ, совращенный Игнаточкинымъ. мнѣ весьма хотѣлось видѣть его и побесѣдовать съ нимъ, какъ виднымъ представителемъ зарождающагося въ Аѳанасьевѣ штундизма, въ присутствіи многочисленныхъ слушателей; но не совсѣмъ-то, какъ видно, хотѣлось этого самому Захару Баранову, потому что, несмотря

на приглашениe народа, а затѣмъ и мое — побесѣдоватъ, онъ не выходилъ. Но слушателямъ, очевидно, весьма было желательно послушать, какъ будетъ Барановъ защищать „свою“ вѣру, и потому они начали его выдвигать изъ толпы впередъ. Тутъ я нашелъ благовременнымъ замѣтить, что хотя и мнѣ самому желательно поговорить о вѣрѣ съ Захаромъ, но вѣдь невольно его заставить нельзя, потому что это дѣло совѣсти, свободы: желаетъ бесѣдоватъ, пусть выступитъ, а если не желаетъ, то нужно оставить его въ покоѣ, можетъ быть, онъ побесѣдуетъ со мною одинъ на одинъ — на дому. Съ одной стороны, можетъ быть, вслѣдствіе такого моего предложенія, а съ другой побуждаемый народомъ, Захаръ вышелъ, а вмѣстѣ съ нимъ и жена Игнаточкина — Степанида. Штундистскій діаконъ — высокій, худощавый крестьянинъ, съ довольно истощеннымъ лицомъ и блуждающими глазами. Когда онъ подошелъ къ аналою, то я спросилъ его:

— Согласенъ ли ты съ учениемъ православной Церкви, что нужно почитать и призывать въ молитвѣ святыхъ?

На этотъ вопросъ, очевидно, все еще желая уклониться отъ дальнѣйшей бесѣды, Захаръ отвѣтилъ: мы со всімъ согласны, а на мое замѣчаніе, что всѣ указываютъ на него, какъ несогласнаго съ вѣрою православной Церкви: „вѣдь почему нибудь да указываютъ“, — онъ отвѣтилъ: „не знаемъ почему, мы вѣры христіанской“.

— Да вѣдь и мы вѣры христіанской — православной, а потому ходимъ въ христіанскій православный храмъ, гдѣ совершаются службы Господу Богу и приносится безкровная жертва, а ты, говорятъ, не ходишь — и давно. Правда ли это?

— Да, не хожу болѣе года, я молюсь дома.

— Почему не ходишь туда, гдѣ „едиными усты и единственнымъ сердцемъ прославляется и призывается Богъ и единъ ходатай Бога и человѣковъ — Господь Іисусъ Христосъ“?

— Да потому, что я въ церкви ничего не понимаю, что тамъ читаютъ и поютъ, тамъ все по славянски, а я не понимаю.

— Правду ли ты говоришь?! Въ церкви нашей совершается богослуженіе на такомъ языке, который весьма близокъ намъ и въ большей части понятенъ. Ну, напр., неужели ты не понимаешь, когда поютъ „Отче нашъ“, Вѣрю во deinагo“, или „Достойно есть“, Господи помилуй“ и другое многое, многое?!

Захаръ, помолчавъ, сказалъ: „но многое и непонятно, а я дома читаю Евангелие на русскомъ языке“.

— А что услышишь непонятного, да захочешь понять — о томъ спросилъ бы своего священника, который для того и поставленъ къ своей паствѣ, чтобы учить ее.

— Да не наспрашиваешься, а дома-то молимся по Евангелию и по понятному, а церковь тамъ, гдѣ два или три собраны во имя Христа.

— „Во имя Христа“, т. е. кто собирается, вѣруя и исповѣдуя все то, чему училъ Иисусъ Христосъ; развѣ будетъ значить собираться во имя Христа, если собирающіеся будутъ прямо отрицать его ученіе. Такъ, Иисусъ Христосъ ясно училъ, что „апѣ не снѣсте Плоти Сына Человѣческаго и не пите Крови Его, живота не имате въ себѣ“; затѣмъ заповѣдалъ совершать апостоламъ и ихъ преемникамъ святѣйшее таинство евхаристіи, въ которой преподается истинная плоть и истинная кровь Христова и безъ котораго никто не можетъ спастись. А это-то святѣйшее Таинство и совершается только въ православной Церкви. Вы же, не ходящіе въ церковь, лишаетесь этого таинства и, слѣдовательно, не можете имѣть надежды на спасеніе.

— И у насъ совершается евхаристія, и мы вкушаемъ хлѣбъ и вино „въ воспоминаніе“.

Изъ этихъ словъ я и узналъ, что у аѳанасьевскихъ штундистовъ совершается „своя“ евхаристія.

— Да вы и можете на своей незаконной и неистинной евхаристіи вкушать только хлѣбъ и вино; тогда какъ Иисусъ Христосъ заповѣдалъ своимъ вѣрующимъ вкушать Тѣло и Кровь Свою, и какъ Самъ Онъ сказалъ Своимъ апостоламъ: „сіе есть Тѣло Мое“, „сія есть Кровь Моя“, такъ и въ православной Церкви, подъ видомъ хлѣба и вина, преподается истинное Тѣло Христово и истинная Кровь Его, о чёмъ воспоминаетъ священникъ обыкновенно и произноситъ: „пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое, пійтѣ отъ нея вси, сія есть Кровь Моя Нового Завѣта“.

— Иисусъ Христосъ далъ ученикамъ хлѣбъ и вино, а не Тѣло и Кровь, и велѣлъ дѣлать это „въ воспоминаніе“, а у васъ во оставленіе грѣховъ.

Въ отвѣтъ на эти слова собесѣдника пришлось подробно разъяснить бесѣду Иисуса Христа „о хлѣбѣ животномъ“ (Ев. Іоан. 6 гл.), гдѣ съ такою поразительною ясностью говорится, что для вѣчной жизни и спасенія, а слѣд. и во

оставлениі грѣховъ, необходимо єсть Плоть и пить Кровь Христа, а также нѣсколько разъ ссылаясь на повѣтствованія евангелистовъ объ учрежденіи таинства евхаристіи, гдѣ Иисусъ Христосъ ясно говоритъ: „сіе есть Тѣло Мое, сія есть Кровь Моя“.

Бесѣда о таинствѣ евхаристіи продолжалась довольно долго, и я прекратилъ ее только тогда, когда слушатели заявили, что для нихъ все понятно и въ заключеніе сказалъ: Спасителю нужно вѣрить и Его словамъ, а не словамъ какихъ-то новыхъ учителей. Я былъ доволенъ, что какъ-то самъ собою предметомъ бесѣды съ штундистскимъ діакономъ сдѣлался такой важный вопросъ—о св. евхаристіи, и потому не только не сѣтовалъ, что вопросъ этотъ не входилъ въ избранную мною для бесѣды тему, но даже воспользовался случаемъ раскрыть со всею возможною обстоятельностію православное ученіе о св. таинствѣ причащенія.

Что же касается самого предмета предложенной мною бесѣды, то Захаръ по поводу его почти ничего не возражалъ (помнится только, кажется, сказалъ: „что-же, мы святыхъ почитаемъ, но они безсильны“), но началъ говорить объ иконахъ. Возраженія его по этому вопросу были слишкомъ обычны, т. е. говорилъ, что иконы въ православной Церкви ничто иное, какъ идолы, кумиры, которымъ запрещено поклоняться. Въ отвѣтъ на это приходилось (какъ и всегда въ такихъ случаяхъ) разъяснить православное ученіе объ иконахъ, въ отличіе отъ иоловъ и кумировъ, но какъ-то вообще этому разъясненію мало внимаютъ упорные раціоналистические сектанты, всякий разъ повторяющіе всѣ мѣста книгъ ветхаго завѣта, направленные противъ кумировъ и иоловъ, относя ихъ къ иконамъ. То же было и въ настоящій разъ.

— Найди, говорилъ Захаръ, обращаясь ко мнѣ „Списокъ Іереміинъ“, тамъ о вашихъ иконахъ говорится.

Сказавъ Захару, что книги съ такимъ названіемъ въ Библіи нѣтъ, я, подавая ему Библію, сказалъ: найди самъ, что тебѣ нужно.—Но Захаръ сказалъ, что онъ по „нашой“ Библіи не знаетъ, а „своя“ у него дома (съ собою же Захаръ захватилъ только Евангеліе на русскомъ языкѣ). Я замѣтилъ, что Библія—одна и та же: впрочемъ, если ему хочется читать по „своей“, то пусть пошлетъ кого-нибудь за нею домой. Но Захаръ продолжалъ настаивать, чтобы я прочиталъ нужное ему мѣсто. Хотя я догадался, что подъ „спискомъ“ Іереміинымъ Захаръ разумѣеть „Посланіе Іереміи“, но все-

таки исчель неподобающимъ замѣтиль, что какъ же я могу знать, что ему нужно. Наконецъ, я исполнилъ желаніе Захара и прочелъ ему нѣсколько строкъ изъ 1-й главы Посланія Іереміи. Здѣсь, между прочимъ, говорится: „вы увидите въ Вавилонѣ боговъ, серебряныхъ и золотыхъ и деревянныхъ,носимыхъ на плечахъ, внушающихъ страхъ язычникамъ“ (ст. 4.). Прочитавъ это, я замѣтиль: „Захаръ, да вѣдь здѣсь объ иконахъ христіанскихъ ни слова не говорится, а говорится о богахъ языческихъ, а мы развѣ говоримъ, что иконы—боги, совершенно напротивъ: мы утверждаемъ, что иконы—не боги. Почему же ты просилъ меня прочитать это мѣсто?“

Еще нѣсколько времени велась бесѣда въ томъ же родѣ. Въ концѣ ея Барановъ какъ-то вскользь замѣтиль, что онъ вѣритъ Писанію и „духу“, который живеть въ вѣрующихъ.

— Когда же и гдѣ ты получилъ этого духа? Мы, православные, вѣруемъ, что дары Св. Духа сообщаются намъ въ таинствахъ, которыя совершаются уполномоченными на то лицами, получившими на это власть отъ св. Апостоловъ, исполненныхъ Духа Святаго чрезъ сошествіе Его въ видѣ огненныхъ языковъ. Все это ясно, и обо всемъ этомъ говорится въ Писаніи.

— И мы по Писанію и по духу.

— Но вѣдь это одни слова. Я тебѣ скажу, что всѣ еретики, всѣ заблуждающіеся, сколько ихъ ни было въ христіанской Церкви, тоже ссылались на Писаніе — и однако сильно-сильно заблуждались. А причиной этого было то, что они самовольно и по своимъ прихотямъ понимали Писаніе. Писаніе нужно понимать подъ руководствомъ Церкви или, какъ говорится въ 19 прав. VI всел. собора, „якоже святіи отцы достигоша“. А то ты, Захаръ, будешь понимать такъ, а другой какой-нибудь Кузьма или Иванъ иначе... и т. д. Что же тогда выйдетъ?! Слишкомъ смѣло и дерзостно — надѣяться на свой разумъ въ такомъ великомъ дѣлѣ. Это самохвалство, восхищеніе на себя недарованнаго права быть учителемъ. Если мы въ житейскихъ дѣлахъ и разсужденіяхъ о мірскихъ предметахъ не надѣемся только на самихъ себя, а слушаемъ людей болѣе разумныхъ и разсудительныхъ, и болѣе того, руководимся голосомъ народа и общества, то тѣмъ болѣе въ вопросахъ вѣры и спасенія должны слушаться голоса Церкви, въ которой выну пребываетъ Духъ Святый, — и богопросвѣщенныхъ ея пастырей, которые цѣлую жизнь проводили въ служеніи Богу и разъясненіи Божія Слова.

Такими приблизительно словами я закончилъ бесѣду, присовокупивши къ нимъ еще нѣсколько словъ назиданія (обращенныхъ ко всѣмъ слушателямъ), о необходимости пребывать всегда вѣрными православной Церкви и вѣрѣ,—той вѣрѣ, которой держались наши предки, той вѣрѣ, которою спаслись многие русскіе святые князья, цари, святители, подвижники, преподобные, мощи коихъ нетленно почиваютъ въ разныхъ гробахъ русской земли и тѣмъ наглядно свидѣтельствуютъ о истинѣ и непоколебимости православной вѣры,—той, наконецъ, вѣрѣ, которую русская земля была сильна въ самые тяжелые для нея дни испытаний, напр., во дни смуты, самозванщины, въ дни 12-го года и т. п.

По окончаніи бесѣды было пропѣто нѣсколько церковныхъ пѣснопѣній и въ заключеніе „Достойно есть“. Когда я выходилъ изъ св. храма, то нѣкоторые изъ слушателей благодарили меня за бесѣду искреннимъ русскимъ „спасибо“, что было для меня лучшею наградою за мои труды. На это „спасибо“ я отвѣчалъ имъ своимъ „спасибо“ за то, что они пришли послушать меня и пожеланіемъ, чтобы бесѣда моя принесла имъ пользу и предохранила отъ увлеченія въ сѣти новоиспеченыхъ аѳанасьевскихъ лжеучителей-штундистовъ. Но съ другой стороны одно обстоятельство слегка и огорчило меня. Одинъ крестьянинъ, подошедши ко мнѣ уже на улицѣ, около храма, спросилъ меня: „когда же ихъ (т. е. штундистовъ) выселять-то отъ насъ, нельзя ли поскорѣе“. Очевидно, крестьянинъ этотъ (а таковыхъ, думается, не мало) взглянулъ на меня, какъ на человека, власти имущаго „высылать“ а, можетъ быть, даже какъ на чиновника, посланного въ Аѳанасьево съ этой цѣлью. Я отвѣтилъ, что не о томъ нужно прежде заботиться, чтобы выселить или просто выгнать заблудшихъ изъ своего общества, а о томъ, чтобы вселить въ нихъ утраченную ими истину нашей православной вѣры; но когда окажется это недостижимымъ, и заблуждающіеся своимъ ученіемъ будутъ вредными для православнаго общества, тогда и о выселеніи ихъ позаботятся тѣ, коимъ она та дана власть. А ваше дѣло—только „Божіе дѣло“.

Въ домѣ радушиаго священника о. Митрофана я провелъ послѣ бесѣды еще нѣсколько времени преимущественно въ разговорѣ съ нимъ о возможныхъ мѣрахъ воздействиа на заблуждающихъ и охраненія отъ нихъ православнаго населения. Между прочимъ, о. Митрофанъ выразилъ сожалѣніе о недостаткѣ при церкви пособій для веденія бесѣды о штун-

дизмъ и сошундистами. Я пообещалъ ему походатайствовать предъ Совѣтомъ Тульскаго Братства св. Іоанна Предтечи о безмездной высылкѣ для церковной библіотеки с. Аѳанасьевъ наиболѣе важныхъ пособій для обличенія штундизма.

Затѣмъ распострелившисьъ въ гостепріимномъ хозяиномъ и отъ души пожелавъ ему усپѣха въ трудной борьбѣ съ сектантствомъ, я выѣхалъ изъ с. Аѳанасьевъ, погруженный въ глубокія думы о томъ, какими разнообразными и мало замѣтными струями можетъ просачиваться сектантство въ самые отдаленные и глухіе уголки Руси. Съ грустью вспомнилъ я дорогою отъ несчастнаго штундистскомъ „діаконѣ“ Захарѣ Барановѣ. Что онъ такое, какъ не несчастная жертва, попавшая въ сѣти, невѣдомою для него рукою разставленныя?

Все время перѣзда отъ с. Аѳанасьевъ до ближайшей железнодорожной станціи „Даниловка“ (въ разст. 20 верстъ) шелъ снѣгъ и свирѣпствовала сильная мятель (такъ что была даже опасность сбиться съ пути), что, конечно, только могло усиливать грустное настроеніе, а на станціи въ ожиданіи поѣзда пришлось мнѣ натолкнуться на тѣмную сцену, какъ одинъ пьяный молодой крестьянинъ въ присутствіи небольшой толпы порицалъ нашихъ священниковъ, пересыпая свои слова самаю площадною руганью, причемъ стоялъ въ шапкѣ вблизи св. иконы. Навѣрное, это будущая новая жертва сектантства, съ грустью подумалъ я.

Такъ закончилась моя первая міссіонерская поѣздка по Тульской епархіи.

Чрезъ недѣлю послѣ поѣздки въ с. Аѳанасьево я вознамѣрился побывать въ с. Липицахъ (Каширскаго уѣзда), какъ наиболѣе видномъ пунктѣ старообрядческаго раскола въ Тульской епархіи. Какъ я узналъ изъ послѣдняго отчета помощника епархиального міссіонера, свящ. М. Мерцалова, с. Липицы, по числу проживающихъ въ приходѣ его раскольниковъ, занимаетъ по Алексинскому и Каширскому уѣздамъ почти первое мѣсто (только въ с. Луквицахъ, Алекс. у., числится раскольниковъ немного болѣе, чѣмъ въ Липицахъ), а по принадлежности раскольниковъ этой мѣстности къ австрійскому толку, какъ наиболѣе въ настоящее время вліятельному и опасному, обращаетъ на себя преимущественное вниманіе. Отсюда понятно, — почему я для второй своей міссіонерской поѣздки избралъ именно это село.

22 Января утромъ я выѣхалъ изъ Тулы и около 3 часовъ днія того же числа былъ въ Липицахъ. Сего это производить

на нового посѣтителя весьма благопріятное впечатлѣніе: оно выглядываетъ богатымъ и благоустроеннымъ. Особенно пріятно было видѣть большую, хорошей архитектуры, церковь, кото-
рая красуется вблизи липовыхъ аллей, расположенныхъ окон-
тою богатой барской усадьбы. Затѣмъ пріятно было узнать, что въ Липицахъ имѣются двѣ благоустроенные и хорошо обез-
печенные школы—земская и церковно-приходская. Построй-
ки липицкихъ крестьянъ также производятъ своимъ внешнимъ
видомъ хорошее впечатлѣніе и свидѣтельствуютъ о достаткѣ
ихъ хозяевъ. Но на раду съ этимъ, какъ язвы, видныются
трактиры, которыхъ въ Липицахъ не одинъ. Въ виду внеш-
няго, материальнаго довольства с. Липицъ, мнѣ невольно
пришло на мысль, что расколъ какъ-то умѣеть пустить болѣе
или менѣе глубокіе корни тамъ, гдѣ есть материальное до-
вольство. Расколъ въ приходѣ с. Липицъ существуетъ довольно
давно и занесенъ сюда, вѣроятно, изъ Московской губ.
(с. Липицы находится всего въ 3 верст. отъ границы Моск. губ. и въ 5—6 верст. отъ г. Серпухова). Онъ раздѣляется
на два толка—на окружниковъ и инѣтовцевъ и сосредото-
чивается, главнымъ образомъ, въ деревнѣ Сѣлиной, отстоящей
отъ села верстахъ въ 3-хъ.

Въ Липицахъ меня уже ожидалъ помощникъ епарх. мис-
сіонера, о. Митрофанъ Мердаловъ, съ которымъ мы забла-
говременно условились прибыть къ извѣстному дню. Оста-
новившись въ домѣ священника о. Иоанна Щеглова, мы всѣ
втроемъ имѣли небольшой совѣтъ о томъ, какъ бы съ воз-
можной пользою для дѣла провести время. Рѣшено было на
другой день (т. е. 23 Янв.) отслужить литургию, а послѣ оной
устроить публичную бесѣду, о которой извѣстить прихожанъ
чрезъ волостное правленіе, а въ этотъ день сѣѣздить въ
дер. Селину для частной бесѣды съ уставщикомъ по австрій-
скому священству, крестьяниномъ дер. Селиной, Михаиломъ
Аѳанасьевымъ Уликовымъ. Вечеромъ мы отправились въ озна-
ченную деревню и здѣсь, съ привѣтомъ мира и благослове-
нія, вошли въ домъ Уликова. Хозяина не было дома: онъ,
какъ намъ сказали его домашніе, находился въ „думѣ“
(местное название трактира). Скоро за нимъ послали, и онъ
пришелъ, хотя нѣсколько „надувши“^{ся}, но всетаки еще при-
личенъ. Прекрасно, конечно, понимая, зачѣмъ и почему мы
прибыли къ нему, онъ, однако, показалъ видъ, что принялъ
насть за обыкновенныхъ гостей, а потому сталъ распоряжать-
ся о самоварѣ и „жареной рыбѣ“. Поблагодаривши за пред-

ложеиe чаю и закуски, я приступилъ ближе къ дѣлу, сказавъ, что мы прибыли для того, чтобы пригласить его, Уликова, завтра на бесѣду о св. Христовой Церкви. Тогда Уликовъ сѣлъ и мало-по-малу завязалась бесѣда, которая, впрочемъ, не могла быть ведена правильно, потому что Уликовъ, отчасти и намѣренно, отчасти и поднепониманію дѣла, пугалъ ее постоянно.

На мое предложеніе ему прийти въ с. Липицы и послушать бесѣду о св. Церкви, Уликовъ отвѣтилъ какъ-то неопределено и съ усмѣшкой (которая, кстати сказать, какъ-то все время разговора не оставляла его): „да что жъ, въ церкви у васъ служатъ все нет по уставу, Никонъ все перемѣнилъ“.

„Такъ неужели ты только потому не ходишь въ православную церковь, что будто бы тамъ служать все *не по уставу*; какъ ты знаешь это, если самъ не бываешь? Вотъ приди завтра, и мы тебѣ покажемъ уставъ, по которому въ православной церкви служить.

— Да неужто у васъ есть уставъ? какъ бы удивленно спросилъ Уликовъ.

— Да, есть, и почти совершенно такой же, какой былъ до патр. Никона, сказалъ я.

— Какъ же такой, — ни утрени, ни вечерни у васъ не совершаются правильно, а все съ пропусками.

— Если и допускаются при богослуженіи православной Церкви нѣкоторыя сокращенія, то весьма небольшія и весьма рѣдко; что же касается старообрядцевъ, то у нихъ при службахъ *по необходимости* пропускается болѣе важное и существенное, потому что службы у нихъ совершаются большою частію простыми уставщиками, такими же, напримѣръ, какъ ты, и все, что долженъ произносить іерей, простой уставщикъ замалчиваетъ. При этомъ я замѣтилъ, что совершение службъ по тѣмъ или другимъ книгамъ (до-никоновскими или послѣ-никоновскими) не имѣть существеннаго значенія въ дѣлѣ спасенія. Послѣ этого я по возможности кратко изложилъ исторію исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ, показывая, что и до патр. Никона при первыхъ пяти святѣйшихъ патріархахъ книги были различны. Выясняль это просто, наглядно, указывая примѣры разногласій въ „старыхъ“ книгахъ. Но на все это получилъ довольно неожиданный отвѣтъ: „не знаемъ, какъ тогда было; нась тогда не было“. Затѣмъ Уликовъ далъ новый оборотъ бесѣды, замѣ-

тивъ: „мы по вашимъ же книгамъ служимъ, по тѣмъ, кото-
рыя вашъ жесв. Сенатъ (sic) напечаталъ, а у васъ по нимъ не
служать“. Я понялъ, что рѣчь идетъ о богослужебныхъ кни-
гахъ единовѣрческой печати, и вслѣдствіе этого вынужденъ
быть повести бесѣду о единовѣрїи, стараясь выяснить его
сущность и происхожденіе. Замѣтилъ, что Уликовъ слушаетъ
мою рѣчь довольно равнодушно и съ явнымъ нежеланіемъ
понять ее, я счелъ за лучшее перемѣнить тему и заговорилъ
о существенныхъ признакахъ Церкви Христовой,— и прежде
всего о священствѣ. Зная, что Уликовъ принадлежитъ къ
австрійскому толку, я, примѣняя ученіе свящ. Писанія и свв.
отцевъ и учителей Церкви къ австрійскому священству, по-
казалъ незаконность послѣдняго и сказалъ, что это не Хри-
стово и не апостольское священство, а „амвросіанско“ . „Какъ
ты думаешьъ объ этомъ, и правду ли я говорю?“ Уликовъ
прикинулся, что онъ ни о какомъ Амвросіи и не слыхивалъ,
а знаетъ только, что у нихъ священство—правильное, апо-
стольское“. А если не слыхивалъ, то послушай отъ меня, и
я кратко рассказалъ, какъ возникло, такъ называемое, авст-
рійское или бѣлокриницкое священство. Я замѣтилъ, что Ули-
ковъ опять слушаетъ меня съ равнодушіемъ, что сейчасъ же
по окончаніи моего повѣствованія и подтвердились его словами.

— Мы не знаемъ этого, такъ ли было, нась тогда не было.

— Если не знаешь, сказалъ я, то вотъ и узнай. А что я
сказалъ правду, что ваше священство идетъ отъ греческаго
митрополита Амвросія, то за подтвержденіемъ этого можешь
обратиться и къ своему „архіепископу“ московскому Іоанну
Картушину, и онъ, несомнѣнно, не будетъ отрицать, что
именно съ Амвросія началась у васъ теперешняя іерархія.
Вѣдь ты признаешь Іоанна-то за „архіепископа“?

— Да, какъ же.

— Ну вотъ: а онъ вступилъ послѣ Московскаго Савватія,
о которомъ ты тоже, навѣрно, слыхалъ, Савватій послѣ Ан-
тонія (Шутова), а Антоній былъ посвященъ Кирилломъ, име-
нуемымъ митрополитомъ Бѣлокриницкимъ, а Кириллъ постав-
ленъ Амвросіемъ,—родоначальникомъ вашей іерархіи.

Изъ продолжительной бесѣды съ Уликовымъ не безъин-
тересно припомнить еще слѣдующій разговоръ съ нимъ отно-
сительно св. Евангелія. Говоря объ устройствѣ Церкви Хри-
стовой, я нерѣдко ссыпался на св. Евангеліе. Уликовъ вдругъ
говоритъ мнѣ: „какое Евангеліе?“ Я отвѣтилъ, что Еванге-
ліе у всѣхъ одно и то же.

— Это то, которое у васъ въ церкви читають, — спросилъ Уликовъ.

— Да, и въ церкви читають тоже Евангеліе, — отвѣтилъ я.

— Ну, — такъ это Евангеліе сокращенное, а вотъ ты бы почиталъ полное, большое Евангеліе, такъ тамъ много бы вычиталъ, многозначительно замѣтилъ Уликовъ. У насть оно есть, да только теперь не подъ руками.

— Какое же такое Евангеліе ты разумѣешь? Можетъ быть, „Четвероевангеліе“, сирѣчъ толкованіе на Евангеліе Феофилакта, архіепископа Болгарскаго.

Оказалось, что Уликовъ разумѣеть подъ „большимъ“ Евангеліемъ именно эту книгу. Тогда пришлось выяснить ему, что толкованіе на Евангеліе и самое Евангеліе не одно и тоже, что толкованій па Евангеліе очень много, и они могутъ быть различными, даже неправильными и погрѣшительными, а св. Евангеліе — одно, непогрѣшими и свято и т. д. Но Уликовъ никакъ не могъ взять этого въ толкъ, а повторялъ одно:

— То (т. е. толкованіе Феофилакта) — тоже Евангеліе пространное, полное, а въ сокращенномъ многаго вѣтъ. — Изъ этого разговора съ Уликовымъ видно, какъ еще мало подготовлены для пониманія и усвоенія даже элементарныхъ религіозныхъ знаній и передовыѣ, а не только рядовые раскольники³⁾.

Къ концу бесѣды, которая затянулась часа на $2\frac{1}{2}$, Уликовъ сталъ болѣе горячиться и открыто обнаруживать, что мы ему надоѣли. Въ избѣ во все время бесѣды находились и стояли домашніе и нѣкоторые сосѣди (впрочемъ, очень немногіе, потому что Уликовъ не пускалъ въ избу постороннихъ, хотя ихъ около его дома собралось очень много). Домашніе его стали какъ-бы заступаться за него и, обращаясь къ намъ, говорили: „васъ трое, а онъ одинъ“. Вообще же видно было, что бесѣду нужно кончить. Поэтому въ заключеніе я еще разъ пригласилъ Уликова на публичную бесѣду въ с. Липицы и посовѣтовалъ посерѣзниѣ подумать обо всемъ томъ, что въ продолженіе цѣлаго вечера мы говорили

³⁾ Невольно хочется сопоставить этого раскольника — старообрядца Уликова съ штундистскимъ діакономъ Бараповымъ. Въ отношеніи къ Слову Божію они какъ-то похожи другъ на друга. У Уликова „свое“ Евангеліе (пространное), а у Барапова „своя“ Біблія, по которой онъ только и можетъ доказывать свое ученіе.

и разъясняли ему, прибавивъ къ этому, что все это дѣлалось для его пользы,— для спасенія его души: „внѣ Церкви православной нѣтъ спасенія“, закончилъ я. Но въ отвѣтъ на это отъ Уликова услышалъ слѣдующее:

— Я—столпъ, меня не своротишь, я при своемъ останусь, а вы при своемъ; идите-ка съ Богомъ отъ меня, ступайте, ступайте скорѣе.— Такъ усердно выпроваживалъ насть тотъ хозяинъ, который вначалѣ хотѣлъ угостить насть и чаемъ, и жареной рыбой. Миссіонеру съ подобными отношеніями со стороны раскольниковъ приходится нерѣдко встрѣчаться, и поэтому ему необходимо быть готовымъ къ терпѣливому перенесенію всякихъ обидъ. Мы вѣжливо простились со всѣми и вышли изъ дома этого „столпа“ селинского «древляго благочестія». Но, увы, „столпъ“ сей стоитъ на очень гниломъ основаніи. Отъ священника о. Ioanna Щеглова дорогою мы узнали, что Уликова держитъ въ расколѣ больше всего материальная выгода. Онъ состоитъ уставщикомъ моленной, находящейся въ д. Селиной, и за отправленіе службъ отъ общества лицицкихъ раскольниковъ получаетъ плату въ 200 рублей— сумму для крестьянина весьма значительную. Что корыстныя побужденія сильно удерживаютъ Уликова въ расколѣ, — видно изъ слѣдующаго сообщенія того же о. Ioanna Щеглова. Разъ былъ въ Селиной бывшій миссіонеръ, о. протоіерей Георгій Пановъ и бесѣдовалъ съ Уликовымъ, причемъ послѣдній, вѣроятно, нечаянно проговорился: „пожалуй бы, я и пошелъ въ вашу Церковь, если бы мнѣ и тамъ давали по 200 руб. въ годъ“. Вотъ образецъ „истиннаго древляго благочестія“! А въ разговорѣ со мною, можетъ быть, мечтая сдѣлаться когда-нибудь австрійскимъ попомъ, Уликовъ проговорился: „если бы намъ ризы-то позволили надѣвать, то въ вашу-то Церковь тогда никто-бы и не пошелъ“. Во всемъ проглядываетъ неискренность раскольническихъ убѣжденій Уликова: и въ его образѣ жизни, въ которой видное мѣсто занимаетъ „дума“, и въ его бесѣдѣ съ нами, въ которой онъ держалъ себя насмѣшило-вызывающе, и въ его, наконецъ, корысти. Таковъ глава раскольниковъ Липицкаго прихода.

На слѣдующій денъ, т. е. на 23 числа Января, назначена была бесѣда въ храмѣ „о св. Христовой Церкви и ея вѣчномъ и неизмѣнномъ устройствѣ“. По этому случаю устроенъ былъ нѣкоторый праздникъ: по праздничному служили литургию. Но ударамъ большого колокола довольно охотно ста-

ли стекаться въ церковь прихожане. Когда я пришелъ въ липицкій храмъ, то былъ пріятно пораженъ его просторомъ, благолѣпнымъ устройствомъ и чистотою. Истовое служеніе причта, особенно священника, и стройное пѣніе небольшого хора дополнило пріятное впечатлѣніе, и я подумалъ: „не мѣсто бы здѣсь чуждаться православной Церкви и ютиться расколу, и совершенно не имѣютъ основанія жалобы какогонибудь Уликова, что въ Церкви совершаются службы съ пропусками“. Вмѣсто причастнаго на литургії помош. миссіонера, свящ. Митрофанъ Мердаловъ, произнесъ приличное слушаю поученіе. Такъ какъ тогда шла недѣля о мытарѣ и фарисеѣ, то о. Митрофанъ, изложивъ эту глубоко-поучительную притчу, очень умѣло примѣнилъ ея содержаніе къ внѣшне-фарисейскому благочестію старообрядцевъ сравнительно съ глубоко-покаянною вѣрою мытаря, которая одна только оправдываетъ. Сказанное экспромтомъ и произнесенное громкимъ голосомъ, поученіе это должно было произвести свое впечатлѣніе на слушателей. Послѣ окончанія литургії пришла моя очередь выступить съ бесѣдою о Церкви. Предварительно разъяснивъ вопросъ о св. Церкви, я кратко припомнилъ слушателямъ, какъ произошелъ расколъ, и какъ онъ потомъ раздробился на многочисленные и враждебные другъ другу толки, изъ коихъ каждый выдаетъ себя за истинную Церковь, а такъ какъ истинная Церковь—едина, то отсюда самъ собою и возникаетъ вопросъ: гдѣ же истинная Церковь Христова, внѣ которой нѣтъ спасенія? Для того, чтобы знать,—гдѣ истинная Церковь, говорилъ я, нужно имѣть ясное понятіе о ея необходимыхъ свойствахъ и принадлежностяхъ. Подробному указанію и разъясненію таковыхъ свойствъ и принадлежностей Церкви и была посвящена дальнѣйшая часть бесѣды.

Въ заключеніе было сказано, что общество старообрядцевъ (ни безпоповщинское, ни поповщинское) не можетъ составлять истинной Христовой Церкви, потому что оно не имѣетъ существенныхъ ея свойствъ. Возраженій на этой бесѣдѣ со стороны старообрядцевъ не послѣдовало. Уликовъ, который такъ интересовался узнать, совершаются ли у насъ службы „по уставу“, и даже есть ли у насъ уставъ на бесѣду, конечно, не явился, что еще наканунѣ предсказывалъ мнѣ о. Іоаннъ. Что же касается православныхъ слушателей, то, замѣтно, они были утѣшены бесѣдой, и нѣкоторые изъ нихъ неподдѣльно, искренно благодарили меня,—даже въ такихъ восторженныхъ выраженіяхъ, которыхъ я не заслужилъ и по-

тому о нихъ здѣсь умалчиваю. Не мѣгу здѣсь кстати не вы-
сказать всегдашняго своего взгляда на публичныя бесѣды о
предметахъ разногласія съ раскольниками и сектантами. Бе-
сѣды эти имѣютъ большое значеніе не столько въ смыслѣ
воздѣйствія на заблуждающихся, сколько въ смыслѣ огра-
женія отъ увлеченія въ заблужденіе православныхъ: послѣд-
ніе послѣ каждой подобной бесѣды, такъ сказать, оживаютъ
и окрыляются;—и потому уже не поддаются хитрымъ улов-
камъ расколо-сектантскихъ лжеучителей, которые, несомнѣн-
но, гораздо болѣе начитаны и въ религіозныхъ вопросахъ
болѣе изворотливы, чѣмъ рядовые православные крестьяне.
Что касается воздѣйствія на самихъ заблуждающихся, то въ
этомъ отношеніи полезнѣе частныя, келейныя бесѣды.—По
окончаніи бесѣды, были пропѣты нѣкоторыя церковныя пѣ-
снопѣнія, и роздано много книжекъ и брошюръ, которыхъ
привезъ съ собою о. Митрофанъ Мерцаловъ. Народу на бе-
сѣдѣ было болѣе 300 человѣкъ.

Послѣ нѣкотораго отдыха въ домѣ о. Иоанна, хозяинъ лю-
безно предложилъ намъ побывать и осмотрѣть церковно-при-
ходскую школу въ д. Селиной, имѣющу, между прочимъ,
миссіонерскія цѣли. Школа эта основана на средства Брат-
ства св. Иоанна Предтечи и въ настоящее время пользуется
каждогоднымъ отъ него пособіемъ. Мы прибыли въ школу,
когда въ ней шли занятія, такъ что ученики и ученицы бы-
ли въ полномъ сборѣ. При нашемъ входѣ они дружно про-
пѣли „Царю небесному“, а затѣмъ, по нашему желанію, про-
пѣли еще „Отче нашъ“, „Слава въ вышнихъ Богу“. Затѣмъ
нѣкоторые ученики и ученицы спрошены были мною по За-
кону Божію и дали отвѣты толковые. Но вниманіе мое, какъ
миссіонера, особенно обратило на себя слѣдующее: о. Иоаннъ
спросилъ нѣкоторыхъ ученицъ (помню двухъ), дочерей рас-
кольниковъ,—одна изъ нихъ дочь уставщика Уликова,—про-
читать Символъ вѣры и молитву „Достойно есть“, и онѣ про-
читали эти молитвы безъ тѣхъ особенностей, какія имѣются
въ нихъ по старообрядческому чтенію. Такъ церковная шко-
ла сглаживаетъ въ дѣтяхъ пункты религіозныхъ разногласій
между православіемъ и старообрядчествомъ, постепенно под-
готавляя, такимъ образомъ, изъ раскольничихъ дѣтей буду-
щихъ вѣрныхъ чадъ Церкви. Селинская церковно-приходская
школа имѣетъ не малое миссіонерское значеніе еще и въ дру-
гомъ отношеніи. Именно, при этой школѣ съ 23 Января 1900 г.
открыты воскресныя чтенія религіозно-нравственного и про-

тиво раскольническаго содержанія, съ цѣлію, съ одной стороны, отвлечь народъ отъ пустыхъ занятій, непозволительныхъ развлечений и грубыхъ удовольствій, а съ другой— предохранить православныхъ отъ увлеченія въ расколъ. Въ этомъ полезномъ и симпатичномъ дѣлѣ принимаютъ участіе приходской священникъ, діаконъ, учитель школы, окончившій курсъ духовной семинаріи, и жена священника, окончившая курсъ въ епарх. женскомъ училищѣ. Остается только отъ души желать развитія и процвѣтанія этого дѣла! Такъ какъ ощущается недостатокъ въ книгахъ для этого чтенія, то свящ. о. Іоаннъ просилъ меня войти въ совѣтъ братства св. Іоанна Предтечи съ ходатайствомъ о восполненіи этого недостатка, что мною уже и исполнено, и совѣтъ братства постановилъ выслать туда нѣсколько книгъ по моему выбору. Не могу, наконецъ, не сказать еще о прекрасномъ обычаяѣ служить въ школѣ, наканунѣ праздниковъ, всеенощное бдѣніе. Дер. Селина находится на довольно значительномъ разстояніи отъ приходскаго храма, и потому не особенно усердные изъ крестьянъ не часто посещали св. храмъ, а это само собою ослабляло ихъ связь съ Церковію и могло дѣлать ихъ удобопреклонными и болѣе воспріимчивыми къ раскольническимъ заблужденіямъ (не нужно забывать, что д. Селина— довольно значительный пунктъ раскола, и въ ней есть раскольническая моленная). Все это вмѣстѣ взятое— школа, чтенія, богослуженія— являются сильнымъ и весьма разумнымъ противодѣйствиемъ расколу.

Подъ вліяніемъ пріятныхъ впечатлѣній отъ школы и съ надеждою на успѣхъ миссіи въ Липицкомъ приходѣ, я къ вечеру того же 23 Января выѣхалъ изъ с. Липицъ на желѣзнодорожную станцію „Ока“. До станціи меня проводилъ о. Митрофанъ Мерцаловъ. Дорогою мы дѣлились своими думами и предположеніями относительно возможно успѣшной постановки миссіи въ Тульской епархіи. О. Митрофанъ поразказалъ мнѣ кое-что изъ своей, еще очень непродолжительной, миссіонерской дѣятельности— и отрадное, и грустное.

Когда я вернулся изъ с. Липицъ въ г. Тулу, то здѣсь уже ожидало меня письмо отъ священника с. Бунырева о. Михаила Воскресенскаго, съ просьбою прїѣхать въ означенное село для бесѣды съ старообрядцами. Просьба эта совпадала съ моими раннѣйшими намѣреніями и планами. С. Бунырево, Алексинскаго у., находящееся въ 6 отъ Алексинскаго

сина, среди раскольническихъ пунктовъ занимаетъ первое мѣсто послѣ Липицъ по числу проживающихъ тамъ раскольниковъ, причемъ раскольники эти принадлежать къ одной изъ наиболѣе вредныхъ беспоповщинскихъ сектъ—өедосѣевской. Поэтому оно было намѣчено у меня для скорѣйшаго посѣщенія.

Раннимъ утромъ (въ 4 часа) 3 числа Февраля я отправился въ означенное село, разсчитывая поспѣть туда къ литургіи, но, къ сожалѣнію, прибылъ только къ концу ея. Во всякомъ случаѣ, я счелъ нужнымъ побывать у службы. Народу въ Церкви было много, что показывало, что для раскола здѣсь почва не особенно благопріятная. Бесѣда послѣ литургіи была устроена въ помѣщеніи земской школы, куда собралось такъ много народу, что школа не вмѣщала всѣхъ, и многіе стояли уже на улицѣ. Предметомъ бесѣды опять избранъ былъ мною вопросъ о Церкви, но въ виду того, что буныревскіе раскольники принадлежатъ къ өедосѣевскому толку, отрицающему бракъ, я нарочно подробно коснулся церковнаго ученія о бракѣ. На бесѣдѣ присутствовали и нѣкоторые раскольники, одинъ изъ коихъ (нѣкто Иванъ Андреевъ) выступилъ съ возраженіями. По обычаю раскольниковъ, возраженія его почти совсѣмъ не относились къ предмету бесѣды и отличались крайнею непослѣдовательностью. То онъ говорилъ о порчу патр. Никономъ книгъ, то о словѣ „истиннаго“ въ символѣ вѣры, то о имени Государя, не забыть, конечно, коснуться и наиболѣвшаго вопроса о перстосложеніи. Но всѣ эти возраженія высказывались имъ какъ-то отрывочно, съ постояннымъ переходомъ отъ одного предмета къ другому,— и ничего характернаго или заслуживающаго вниманія къ себѣ не заключали. При всемъ томъ на всѣ возраженія давались соотвѣтствующія разъясненія. Мнѣ въ этой бесѣдѣ въ Иваномъ Андреевымъ, какъ безпоповцемъ, особенно хотѣлось направить рѣчь на вопросъ о необходимости священства въ Церкви; но ему-то, очевидно, совсѣмъ не хотѣлось этого, что видно, между прочимъ, изъ такихъ его словъ: „что вы только и говорите—священство, да священство... нужно жить по вѣрѣ“— и еще сказалъ что-то вродѣ этого. Закончилъ онъ свою роль возражателя на бесѣдѣ, можно сказать, совсѣмъ „по-раскольнически“. Желая оставить взятую на себя роль, такъ сказать, „съ достоинствомъ“, а не въ силу невозможности отстоять „свою вѣру“, онъ придумалъ такой исходъ для

этого. Вставши и выходя изъ комнаты, онъ подозвалъ къ себѣ священника и сказалъ ему, что его ждутъ въ волости, по какимъ-то дѣламъ прибылъ урядникъ. Между прочимъ, на бесѣдѣ съ Иваномъ Андреевымъ вступалъ въ разговоръ одинъ изъ обратившихся изъ раскола, бывшій солдатъ, имѣющій Георгія, и довольно разсудительно обличалъ заблужденія раскольниковъ. Къ концу бесѣды, когда я выяснялъ несообразность ученія еедосѣвцевъ о безбрачіи и говорилъ о слѣдствіяхъ этого ученія, ведущихъ нерѣдко вмѣсто дѣства къ разрвату, слышны были голоса: „да, такъ и есть; у нихъ вокругъ березъ да елокъ вѣнчаютъ“. Наблюдая за общимъ настроениемъ слушателей во время бесѣды, я вынесъ впечатлѣніе, что расколъ въ Буныревѣ совсѣмъ не пользуется симпатіями: многіе порывались даже зло посмѣяться надъ порядками въ жизни раскольниковъ, называя нѣкоторыхъ по имени. Я своевременно удерживалъ и останавливалъ подобные порывы.

По окончаніи бесѣды и краткаго отдыха, о. Михаилъ предложилъ мнѣ проѣхаться въ д. Погибово, находящуюся verstахъ въ 4 отъ села, чтобы осмотрѣть тамъ моленную, принадлежащую одному изъ богатыхъ и видныхъ раскольниковъ (къ сожалѣнію, имени его я не запомнилъ). Проѣзжая этою деревнею, о. Михаилъ обращалъ мое вниманіе на нѣкоторые болѣе богатые дома, замѣчая, что они принадлежать раскольникамъ. Домъ, въ которомъ находится моленная, и около котораго мы остановились, совершенно выдѣляется изъ прочихъ: большой, двухъ-этажный, крашеный и крытый желѣзомъ. Старикъ—хозяинъ, лѣтъ 65, въ рубашкѣ и жилетѣ, встрѣтилъ насъ безъ всякаго смущенія и даже довольно благодушно; вмѣстѣ съ нимъ вышли и какія-то женщины въ сарафанахъ стариннаго покроя и бѣлыхъ платкахъ. Затѣмъ, онъ безъ всякаго видимаго стыдненія провелъ насъ въ моленную, небольшую угловую комнату, на передней стѣнѣ коей уставленъ небольшой иконостасъ съ иконами (хотя, кажется, не старинными, но византійскаго стиля) и мѣднымъ осьмиконечнымъ крестомъ. Предъ иконами горѣло нѣсколько лампадокъ. Воздавъ долженствующее поклоненіе изображеніямъ святыхъ (хотя, можетъ быть и неосвященнымъ), мы похвалили эту моленную за иконы и порядокъ, а затѣмъ я завелъ рѣчь о томъ, что хорошо имѣть иконы и молиться предъ ними, но одного этого недостаточно для спасенія, а необходимо еще принадлежать къ св. Церкви, насть освящающей и спасающей.

Говорилъ я долго, но хозяинъ моленной, видимо, слушалъ меня равнодушно, врядъ ли даже вникая, какъ слѣдуетъ, въ смыслъ моихъ словъ,—въ концѣ концовъ сказалъ: „намъ уже поздно мѣнять вѣру, прожили вѣкъ, скоро и умирать“. По этому поводу я немало говорилъ, что заботиться о спасеніи души никогда не поздно, а къ концу-то жизни и особенно благовременно. Изъ бесѣды съ хозяиномъ моленной припоминается еще слѣдующее его обвиненіе, направленное противъ православной Церкви: „у васъ, говорилъ онъ, только пять таинствъ, а не семь“. „Совершенная неправда“,—сказалъ я, „вотъ именно въ нашей православной Церкви таинства семь, а у васъ, ефесиевцевъ, нѣтъ даже ни одного“. Высказанное обвиненіе вытекало, оказывается, изъ того обстоятельства, что въ православной Церкви проскомидія совершаются на пяти (а не на семи) просфорахъ и основывалось, такимъ образомъ, на недоразумѣніи, каковое и пришлось выяснить старику-хозяину.

Пожелавъ хозяину серьезно подумать о своемъ религіозномъ положеніи, мы распростились съ нимъ. Кстати сказать, въ моленной его стоитъ кровать, на которой, очевидно, почиваетъ самъ хозяинъ.

Великимъ постомъ я также намѣренъ былъ совершить миссионерскую поѣздку; но неожиданно быстро попортившаяся (на третьей недѣлѣ поста) дорога помѣщала выполненію сего намѣренія. Я рѣшилъ отложить эту поѣздку до весны, а великимъ постомъ занялся устройствомъ бесѣдъ со старообрядцами въ самомъ городѣ Тулѣ. Съ благословенія преосвященнаго Питирима, были устроены три таковыхъ бесѣды въ единовѣрческомъ храмѣ г. Тулы, находящемся подъ соборной колокольней,—въ три воскресенія великаго поста—4, 11 и 18 чиселъ Марта. Сообразно съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ г. Тулѣ имѣютъ мѣсто два вида раскола, именно—безпоповщина (поморцы) и поповщина по австрійскому священству,—для бесѣды избраны были слѣдующія темы: для первой бесѣды—о св. Церкви Христовой, ея вѣчномъ и неизмѣнномъ устройствѣ и неодолѣнности, для второй бесѣды—объ антихристѣ, лицѣ его, времени явленія и продолжительности царствованія (противъ безпоповцевъ) и для третьей—незаконность такъ называемой австрійской лжеіерархіи, съ предположеніемъ краткаго очерка ея основанія.—Бесѣды начинались ровно въ 6 час. и оканчивались около 8 часовъ веч. Открывались онѣ общимъ, довольно стройнымъ пѣніемъ мо-

литвы „Царю Небесный“ и заканчивались такимъ же пѣніемъ „Достойно есть“, а въ промежутки между отдѣлами бесѣдъ пѣлись другія церковныя пѣснопѣнія, какъ-то: „Вѣрую во единаго Бога“, „Милосердія двери“, „Взранной Воеводѣ“, „Не имамы иныхъ помощи“ и т. п. Вообще, для пѣнія избирались такія церковныя пѣснопѣнія, въ пѣніи которыхъ могли принимать участіе, по возможности, всѣ присутствовавшіе слушатели,— это весьма важное обстоятельство, приподнимающее общее настроеніе слушателей и оживляющее бесѣду. Слушателей на бесѣды собиралось отъ 300 до 600 человѣкъ. Особенно ихъ много было на второй бесѣдѣ— „объ антихристѣ“,— такъ что единовѣрческій храмъ не могъ вмѣстить всѣхъ пришедшихъ послушать. Послѣднее обстоятельство подало мнѣ мысль о надобности перемѣны мѣста для бесѣдъ на будущее время (можно назначить для этого какой-либо изъ центральныхъ приходскихъ храмовъ, напр., Казанской Божіей Матери). Хотя почти несомнѣнно, что на бесѣдахъ присутствовали и нѣкоторые изъ старообрядцевъ, однако возражателей или собесѣдниковъ на нихъ почти совсѣмъ не выступало, если не считать одного неудачнаго и, правду сказать, безтолковаго возражателя на первой бесѣдѣ. Суть его возраженій противъ раскрытаго мною ученія о Церкви сводилась къ тому, что „все это (что я говорилъ о Церкви) до Никона было, а съ Никона не то“. „Скажи, что послѣ Никона“, спрашивалъ онъ. Я, конечно, отвѣтилъ ему указаніемъ на вѣчность и неизмѣнность устройства Церкви, ссылаясь на извѣстныя слова Спасителя: „созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей“,— и разъясненіемъ этихъ словъ у отцевъ и учителей Церкви, которые ясно и согласно свидѣтельствуютъ, что Церковь въ своемъ неизмѣнномъ устройствѣ пребудетъ „до мірскаго конца“. Но возражатель мой продолжалъ настаивать на своемъ,— что Никонъ все измѣнилъ. Тогда я прибѣгъ къ такому выясненію неправильности дѣлаемаго возраженія: „Господь Спаситель положилъ быть въ Церкви извѣстному неизмѣнному устройству до конца міра, а человѣкъ (хотя и патріархъ) Никонъ отмѣнилъ это Господнєе опредѣленіе; выходитъ, какъ будто, человѣкъ Никонъ сильнѣе Господа Спасителя. Но и этотъ мой доводъ мало убѣдилъ возражателя, и онъ съ непонятной для меня полуусмѣшкой сказалъ: „да, выходитъ, что сильнѣе“. Кое-что и еще говорилъ означенный своеобразный возражатель о соборѣ 1667 г., о перстосложеніи, но настолько безсвязно и малотолково, что

сказанное имъ почти совсѣмъ не поддается изложению и воспроизведеню. Непослѣдовательность, болѣе того,— беспорядочность его разсужденій вызвали даже открытое неудовольствие среди прочихъ слушателей, которые стали останавливать его и просили говорить только о дѣлѣ, а не мѣшать всѣмъ выслушивать разъясненое. Должно замѣтить, что возражатель сей еще задолго до окончанія мною изложенія бесѣды началъ прерывать ее разными замѣчаніями, чѣмъ вызывалъ прямо-таки нѣкоторое волненіе среди слушателей,— и всетаки онъ достигъ отчасти своего: прерываемый неоднократно его словами, я хотя и старался мало обращать на нихъ вниманія и долго и терпѣливо замѣщать ему, что, по окончаніи бесѣды, поговорю съ нимъ обо всемъ, о чёмъ онъ пожелаетъ, но въ концѣ концовъ уступилъ его назойливости, въ виду и того, что вопросъ о Церкви былъ достаточно выясненъ.

Не мѣшаетъ еще отмѣтить, что онъ неоднократно заявлялъ о себѣ, что онъ — малограмотенъ и не можетъ многаго знать, на что я замѣтилъ, что если онъ самъ сознаетъ свою малограмотность, то долженъ послушать болѣе грамотныхъ. Наконецъ, къ немалому нашему удивленію, на вопросъ, поставленный нами почти зъ началъ бесѣды съ нимъ, — о его упованіи и вѣрѣ, — онъ отвѣтилъ, что онъ — не старообрядецъ. Вообще, означенный возражатель представляетъ собою, какъ намъ сдается, типъ нѣсколько начитанного и уже зазнавшагося грамотѣя, съ стремленіемъ показать себя.

Вторую бесѣду («объ антихристѣ») почтилъ своимъ присутствиемъ о. каѳедральный протоіерей А. Н. Ивановъ. Онъ, послѣ окончанія бесѣды, — когда на мое предложеніе выступить съ вопросами и возраженіями, — никто не вышелъ, — авторитетно заключилъ бесѣду замѣчаніемъ, что потому старообрядцы не выходятъ для собесѣданій, что не въ состояніи что-либо сказать противъ изложенного въ бесѣдѣ, которая вся основана или на Словѣ Божиемъ, или на святоотеческомъ ученіи, а также на уважаемыхъ самими ими старопечатныхъ книгахъ, къ чему присовокупилъ еще нѣсколько очень мѣткихъ замѣчаній о старообрядчествѣ вообще. Присутствіе на бесѣдѣ о. протоіеря и его теплое слово было для меня весьма отраднымъ фактомъ, даже ободрявшимъ въ дѣлѣ. Да и вообще весьма желательно, чтобы Тульское духовенство посыпало бесѣды съ старообрядцами, что, несомнѣнно, придало бы бесѣдамъ болѣе авторитетный характеръ. Къ сожалѣнію, на устроенныхъ мною бесѣдахъ лица изъ духовнаго званія за-

мѣчались только единицами (человѣкъ 5—7). Посѣщенія же нѣкоторыми изъ лицъ духовныхъ бесѣдъ могло бы быть даже полезно для нихъ самихъ, въ смыслѣ ознакомленія съ характеромъ и методомъ собесѣданій.

Наконецъ, говоря о Тульскихъ бесѣдахъ, потребнымъ нахожу отмѣтить слѣдующее обстоятельство. На первой бесѣдѣ раздано было слушателямъ очень много брошюръ и листковъ противораскольническаго содержанія, которыми благосклонно снабдилъ книжный епархиальный складъ. Нужно было видѣть, съ какою охотою и съ какимъ интересомъ разбирались эти листки и тутъ на мѣстѣ нѣкоторыми читались! Я съ полнымъ убѣжденіемъ говорю, что раздача брошюръ есть прекрасное дополненіе къ бесѣдамъ (если позволительно такъ выразиться, какъ бы послѣднее сладкое блюдо на обѣдѣ): подъ вліяніемъ возбужденного бесѣдою интереса онѣ большею частію прочитываются охотно и съ вниманіемъ, совсѣмъ иначе, чѣмъ въ другое время, когда мысль бываетъ занята другими интересами.

Поэтому, я усиленно просилъ складъ снабдить брошюрами для раздачи слушателямъ и на прочихъ двухъ бесѣдахъ, но въ этомъ было отказано. Нужно было видѣть, а мнѣ лично пришлось переживать нѣкоторое грустное чувство, когда, по окончаніи второй бесѣды, на которой, какъ сказано выше, были весьма многочисленны слушатели, они стояли и долго не расходились въ ожиданіи „книжекъ почитать“. Въ виду подобныхъ соображеній и обстоятельствъ, я возбудилъ въ совѣтѣ братства вопросъ о необходимости ассигновать на означеный предметъ хотя небольшую сумму ежегодно, въ какомъ ходатайствѣ мнѣ не было отказано. Напрасно опасеніе нѣкоторыхъ лицъ, что брошюры, полученные послѣ бесѣдъ, часто получаютъ недолжное употребленіе (напр., идутъ на сигарки). Скажемъ на сіе: если изъ 100 человѣкъ со вниманіемъ прочитаютъ брошюры 30 человѣкъ, 20, даже 10 человѣкъ,—то и за это благодареніе Господу Богу. Не всякое сѣмя падаетъ въ добрую почву, и однако сѣятель сѣеть сѣмя въ множествѣ: „ова падоша при пути... другая же падоша при каменныхъ... другая же падоша въ тернії... и всѣ эти сѣмена погибли безполезно для домовладыки, но... „другая падоша на земли добрѣй, и даиху плодъ, ово убо сто, ово же шестьдесятъ, ово же тридесять“ (Матл. 13, ст. 5—8).

Помимо миссионерскихъ поездокъ и устройства бесѣдъ въ разныхъ мѣстахъ, мнѣ пришлось по званію миссионера принять дѣятельное участіе въ торжественномъ празднованіи столѣтія единовѣрія въ г. Тулѣ, 19 Ноября 1901 года.

Столѣтіе единовѣрія исполнилось 27 Октября, но въ г. Тулѣ оно праздновалось только 19 Ноября. По этому поводу въ Совѣтѣ братства была выработана приблизительная программа празднованія, въ которую вошло, между прочимъ, порученіе мнѣ составить соотвѣтствующую слушаю рѣчъ для произнесенія ея въ день празднованія въ каѳедральномъ соборѣ послѣ вечерни, которую и совершилъ Преосвященнѣйший Питиримъ. Времени для составленія рѣчи, осталось немногого, потому что порученіе это состоялось уже 2 Ноября; но Богу помогающу, я успѣлъ къ назначенному сроку выполнить порученіе и составилъ рѣчъ подъ заглавіемъ „Единовѣріе, его возникновеніе и сущность“. На этой рѣчи дана была такая резолюція нашего Архипастыря: „Богъ благословитъ произнести съ пользою для послушающихъ“.

Наступилъ праздникъ единовѣрія, который, благодаря принятому въ немъ самому живому и дѣятельному участію самого Преосвященного, былъ не только праздникомъ единовѣрцевъ, но сдѣлался общимъ Тульскимъ праздникомъ. Не буду подробно заниматься описаніемъ этого знаменательного торжества, потому что оно уже описано въ Тульскихъ Епар. Вѣд., а мною напечатано обѣ немъ дов. подробно въ Церков. Вѣд. Но не могу не удѣлить нѣкоторое мѣсто моимъ личнымъ впечатлѣніямъ. Торжество, дѣйствительно, было изъ рѣдкихъ. Литургію совершилъ самъ Преозвященнѣйший Питиримъ съ сонмомъ старѣйшихъ священнослужителей г. Тулы. Преосвященный, вообще истовый во всѣхъ своихъ богослуженіяхъ, въ совершеніи литургіи въ единовѣрческомъ храмѣ по старопечатнымъ книгамъ удивлялъ своимъ умѣньемъ служить и держать себя „по-старинѣ“ (это его умѣнье принародиться къ любимой единовѣрцами старинѣ было замѣчено за нимъ еще въ Черниговской епархіи, когда онъ, въ бытность тамъ викарнымъ епископомъ, часто отправлялъ богослуженіе въ единовѣрческихъ храмахъ раскольническихъ черниговскихъ посадовъ; черниговскіе единовѣрцы доселѣ вспоминаютъ его). Кромѣ нѣсколькихъ рѣчей и словъ — приличныхъ слушаю — произнесенныхъ разными священнослужителями (какъ-то: протоіереемъ Г. И. Пановымъ, о. инспекторомъ Епарх.

училища Д. С. Глаголевымъ и единовѣрческимъ священникомъ Д. Холоповымъ), и самъ Владыка порадовалъ присутствовавшихъ своимъ прекраснымъ словомъ, произнесеннымъ импровизацией. Въ словѣ Владыки проведена кратко, но чрезъ всю исторію рода человѣческаго мысль о причинахъ разъединенія и единенія или содиненія; причемъ высказано, что главнымъ виновникомъ первого былъ всегда діаволъ, а виновникомъ единенія и примиренія вездѣ является Богъ. Краснорѣчивое, но въ тоже время въ доступной формѣ предложенное и произнесенное съ глубокимъ чувствомъ, слово Владыки должно было произвести сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Единовѣрцы были въ высшей степени довольны такимъ вниманіемъ Преосвященнаго къ ихъ торжеству и въ знакъ глубокой благодарности, по окончаніи литургіи, поднесли ему икону св. Тихона, еп. амаѳунтскаго, имени коего посвященъ ихъ храмъ. Небольшой единовѣрческій храмъ вмѣщалъ только нѣкоторую часть всѣхъ желавшихъ быть на торжествѣ.

Утреннее торжество въ единовѣрческомъ храмѣ окончилось въ 2 часу дня, но съ 5 часовъ вечера оно продолжалось въ Каѳедральномъ Соборѣ, гдѣ также самъ Владыка совершилъ вечерню. Несомнѣнно, что большинство изъ бывшихъ на утреннемъ торжествѣ, а въ томъ числѣ и единовѣрцы, прибыли и на вечернее: единеніе между единовѣрцами и православными вышло, такимъ образомъ, полное и какъ-бы осозаемое.—По окончаніи вечерни, Владыка благословилъ меня произнести вышеназванную рѣчь. Сущность ея заключается въ томъ, что единовѣріе есть результатъ взаимоотношеній между православною Церковью и нѣкоторыми старообрядцами, изъ коихъ первая, какъ любвеобильная мать, всегда призывала обратно въ свое лоно отпадшихъ чадъ и дѣлала имъ для этого возможные послабленія, а многие изъ послѣднихъ, по отдѣленіи отъ Церкви, почувствовали, что они находятся на распутіи,— и потому стали искренно искать истиннаго, праваго пути,— и когда въ своихъ поискахъ встрѣтились съ любвеобильнымъ призывомъ Церкви, представляющимъ имъ утѣшеніе оставаться при старыхъ, привычныхъ для нихъ обрядахъ, охотно возвратились въ лоно покинутой матери,— и такимъ образомъ произошло единеніе. Разъяснено также и то, что мысль о единовѣріи возникла весьма рано, она высказывалась въ нѣкоторой формѣ даже самимъ патріархомъ Никономъ, и разви-

валась затѣмъ постепенно, пока не достигла своего яснаго выраженія въ 1800 году въ правилахъ единовѣрія.—Слушателей было болѣе 1000 человѣкъ, коимъ послѣ бесѣды раздавались книжки и брошюры. Тѣмъ и закончилось знаменательное торжество столѣтія единовѣрія въ г. Тулѣ⁴⁾.

Д. И. Скворцовъ.

⁴⁾ Собственно въ г. Тулѣ единовѣрческій храмъ во имя св. Тихона, еп. Амаѳунтскаго устроенъ только въ концѣ 1894 г., и съ этого же времени должно считать начало единовѣрія въ г. Тулѣ.

Тула. 15 Марта, 1902 г. Дозволено цензурою.
Цензоръ Протоиерей Георгий Пановъ.

Типографія И. Д. Фортунатова, въ Тулѣ.

